

А ЖИВЫЕ ЗЕРКАЛА

*Притворись,
чтобы выжить*

Дейзи Вэнити

Дейзи Вэнити

Лживые зеркала

Серия «Очаровательное преступление»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68849082
ISBN 978-5-04-181537-0

Аннотация

Лондон, 1847 год.

Мистер Уоррен – настоящий аристократ криминального мира – подбирает на улице бездомную девочку, сиротку семи лет, которая называет себя Уинифред. Малышка оказалась смышленной, и хозяину удастся обучить ее всем премудростям шпионажа.

Спустя десять лет рядом с хозяином Уинифред держит лишь страх. Она мечтает уйти от него и начать новую жизнь. Но как это сделать, если за душой лишь пригоршня монет, а люди хозяина отыщут тебя, где бы ты ни скрылась?..

Во время очередного задания Уинифред встречается Теодора Дарлинга – обаятельного молодого аристократа. Тот предлагает девушке работать на него, а взамен обещает разделиться с мистером Уорреном и освободить ее. Предложение заманчиво, вот только Дарлинг не так прост. Куда он постоянно уезжает? Почему уходит от ответа каждый раз, когда она спрашивает о

его семье? Похоже, юной шпионке нужно опасаться обоих хозяев, иначе ей просто не выжить...

«Авантюрный роман, полный загадок и семейных тайн, или остросюжетный триллер в декорациях викторианской Англии? Динамичный и захватывающий симбиоз жанров с неожиданной развязкой, от которой захватывает дух». – *Ирина (@irinalitvin)*

«Лёгкий захватывающий детектив про Лондон XIX века, который погрузит вас в будни выдающейся шпионки Уинифред. Вместе с ней вы пройдёте путь от жизни в притоне до балов в богатых районах города. Прочувствуете вкус любви и предательства и встанете перед самыми сложным выбором в жизни: семья или любовь?» – *Марина (@from_neverwhere)*

«Безумная, мрачная шпионская история. История о ненависти, любви и справедливости. История, где есть место надежде и сбывающимся мечтам». – *Екатерина (@ekaterinaskvortsova_)*

«Роман заберет всё ваше внимание и окунет в загадочную атмосферу Лондона XIX века! Знатные балы аристократов столкнутся с миром бедности, а связующим звеном станет отважная юная шпионка, которая пойдет на всё ради мести! Захватывает и не отпускает до самой последней страницы!» – *Екатерина (@ktrn.books)*

«Этот роман заставит вас погрузиться в шпионские игры и гадать до последней страницы, кто на самом деле каждый из героев. А в конце вы обязательно полюбите Винни и Дарлинга – Бонни и Клайда позапрошлого столетия». – *Саша Керн (@bookimania)*

Содержание

Глава 1	12
Глава 2	34
Глава 3	57
Глава 4	75
Глава 5	91
Глава 6	109
Глава 7	131
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Дейзи Вэнити

Лживые зеркала

© Вэнити Д., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

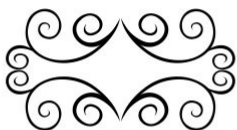
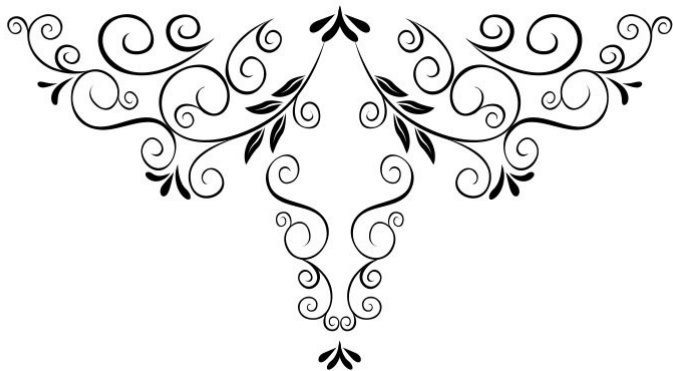
* * *

Дейзи Вэнити с самого детства
мечтала стать писательницей.

Приходящие на ум идеи она
записывает в заметки на телефоне,
и впоследствии из них складываются
рассказы, очерки и романы.

Найти Дейзи можно в телеграм-канале
[@daisyintrouble](https://t.me/daisyintrouble), где она рассказывает
о прочитанных книгах и делится
процессом написания собственных
романов.

*Как, зеркало, ты, лживое стекло,
Равняться с ней позволить мне могло?*
Уильям Шекспир
«Сон в летнюю ночь»

*Зорко одно лишь сердце.
Самого главного глазами не увидишь.*
Антуан де Сент-Экзюпери
«Маленький принц»

Глава 1

Поручения и галстуки

Лондон, 1857

В лавке подержанных дамских туалетов было темно, портнихе приходилось низко склоняться над платьем, чтобы разглядеть шов. Уинифред, сидевшая у окна и от скуки пытавшаяся поймать собственное отражение в мутном, засиженном мухами стекле, начинала злиться. Нерасторопная портниха сняла с нее последние мерки еще час назад – и все никак не могла закончить.

– Долго еще? – с недовольством спросила она, постукивая по полу ножкой.

Швея взглянула на нее исподлобья и лизнула нитку.

– Почти готово, мисс. Только кружева на рукаве остались.

– Пошевеливайтесь.

Портниха еще ниже склонилась над шитьем, и Уинифред удивилась, как женщина до сих пор не выколола себе глаз.

Голубое бальное платье в ее руках наверняка попало в лавку после смерти какой-нибудь богатенькой леди. Мистер Уоррен приобрел его специально для сегодняшнего вечера, наряд ушили и отделали по последней моде. Уинифред представила, сколько хозяину могла стоить такая переделка, и ей

стало не по себе.

– Готово, мисс!

Сияя, женщина поднялась и расправила платье. У Уинифред на секунду перехватило дыхание – до чего же оно было красивым! Небесно-голубой шелк под слоем газа был невесомо расшит райскими птицами, а по плечам, коротким рукавам и воланам юбки струилась белая пена кружев. Ей захотелось потрогать складки, но вместо этого она вздернула подбородок и надменно взглянула на портниху.

– Кто-нибудь в городе мог видеть его на прошлой хозяйке?

– Нет, мисс. Вернее... Я так его переделала, что никто в жизни не узнает, – извиняющимся тоном ответила она.

– Упакуйте, – равнодушно обронила Уинифред и отвернулась к окну, хотя внутри у нее все пело. Ей не терпелось поскорее примерить это прекрасное, восхитительное платье. И пускай даже кто-то видел его – неужели это такая уж редкость, чтобы две лондонские модницы одевались у одной модистки?

Завернув наряд в папиросную бумагу, портниха водрузила сверток ей на руки.

– Этот шелк очень маркий, не запачкайте его ненароком, мисс.

– Если мне понадобится ваш совет, я обязательно вам об этом сообщу, – процедила Уинифред.

Ее вдруг взбесили и швея, и грязная дешевая лавка, и даже приятная тяжесть свертка с платьем.

– Извините, – пролепетала женщина. Ее увядшие щеки вспыхнули румянцем. – Я могу вам чем-нибудь еще помочь?

Так-то лучше. Уинифред холодно отказалась и поспешила прочь из лавки, брезгливо приподнимая юбки. Она не так давно вылезла из этой грязи, чтобы забыть, как сложно ее отстирать, напоминания ей не требовались.

От лавки до ее дома было меньше квартала. Комнатка, в которой обитала Уинифред, располагалась в «Рассвете» – публичном доме, который держал ее хозяин, мистер Уоррен. В его владении были опиумные притоны в Чайна-тауне, публичные дома в Сохо, рабочий кабинет в Сити и оружейные лавки по всему городу, но больше всего он почему-то любил именно «Рассвет» – свое первое детище, первое приобретение. Почти всегда его можно было найти здесь – в душном темном кабинете, похожем на исповедальню. Подле себя он поселил и Уинифред, свою шпионку.

Она не любила свое жилище, хоть это место было не из худших. С улицы доносилась такая вонь, что она взяла себе за привычку проветривать комнату только после дождя. Иногда по ночам прямо у нее под окнами раздавались истошные крики, как в Уайтчепеле, который она будто и не покидала. Но здесь было чисто, сухо, а самое главное – вся комната была в ее безраздельном распоряжении.

До семи лет Уинифред жила с родителями и девятью братьями и сестрами в трущобах, в крошечной комнатке без света и мебели. Когда вся семья умерла от холеры, она – кро-

шечный, хилый ребенок – выжила, и ей ничего не оставалось, кроме как отправиться на поиски помощи. И никто не обещал, что ей понравится человек, который предложит эту помощь. Ей вообще никто ничего не обещал.

Игнорируя несмелое приветствие их вышибалы Боуди, Уинифред зашла в «Рассвет» через черный ход. У себя в комнате она бросила сверток с платьем на кровать и торопливо разделась. В последние годы ей удавалось хорошо питаться, и она больше не походила на того заморыша из трущоб. Даже звали ее теперь по-другому.

За годы работы Уинифред многому научилась, но такими умениями не хвастаются в салонах или на приемах, их не демонстрируют гордым родителям и не рассказывают о них друзьям. Зато эти навыки высоко ценятся теми, кто знает, как ими пользоваться.

Уинифред умела бесшумно дышать, незаметно красться и вскрывать замки. Она была великолепной физиономисткой и по одному только выражению лица понимала, что у человека на уме. Ей по силам было в три счета выпутаться из любого узла и с такой же легкостью завязать свой. А еще она была способна читать по губам, запоминать малейшие детали о собеседнике и в точности воспроизводить недавний разговор вплоть до интонации собеседника. Вытравив из своей речи родной кокни, лондонский диалект низов, она приобрела другой – протяжный манерный говор высшего общества.

Слава о таинственной шпионке Уинифред Бейл распро-

странилась по всему преступному Лондону. Она подозревала, что мистер Уоррен нарочно пускал о ней слухи, чтобы припугнуть конкурентов. Лишь немногие знали, кем она была на самом деле – семнадцатилетней сироткой родом из трущоб.

Хотя она не занималась проституцией, ей перепали от хозяина кое-какие роскошные вещицы. Сейчас, например, Уинифред нашла возле двери своей комнаты новую пудреницу, веер с экраном из шелка и десяток золотых, острых, как иглы, шпилек. Она снова подумала о том, что мистер Уоррен изрядно потратился для этого вечера, и у нее закололо шрам на предплечье.

До выхода оставалось три часа, и она решила заняться прической. Единственное ее зеркало недавно разбилось, и плести приходилось вслепую. Уинифред уложила волосы на затылке в пучок из кос и обрамила локонами лицо. Золотыми шпильками она прикрепила к прическе крошечные бутончики белых роз и цветы амариллиса, которые Боуди принес сегодня утром.

Несмотря на предостережение портнихи, она собралась надеть платье, припудрив лицо. В дверь постучали. Уинифред с раздражением опустила наряд на кровать.

– Войдите!

В комнату заглянула Марта, ее ближайшая соседка.

– Мистер Уоррен хочет тебя видеть, – без церемоний сообщила она и захлопнула дверь.

Между Уинифред и девочками «Рассвета» установились не самые теплые отношения. Они завидовали тому, что ей повезло с работой больше, а сама Уинифред не любила никого, кто бы не выказывал ей любезность.

Что еще могло понадобиться мистеру Уоррену? План был разложен по полочкам и досконально вызубрен. Уинифред научилась ходить, как леди, говорить, как леди, и падать в обморок, как леди. В хорошем платье ее нельзя было отличить от дочери герцога. А платье сейчас у нее было преотличное.

Снова натянув свой обычный креп, Уинифред поспешила вниз по лестнице.

На первом этаже «Рассвета» было теплее, чем в комнатах наверху. Горели тусклые газовые лампы, пол устилали дешевые, рыжие от дыма ковры. Но стоило подняться, и в ноздри ударял затхлый душок, какой имеет каждый старый деревянный дом в Сохо. Уинифред лишь надеялась, что новенькое платье им не провоняет.

Внизу на лестнице она столкнулась с двумя мужчинами. Мистер Хьюз следил за порядком в «Розе Востока», еще одном доме терпимости господина Уоррена, а мистер Парсон приглядывал за опиумными курильнями в квартале иммигрантов. Уинифред их ненавидела – оба были жалкими подбострастными лизоблюдами, способными лишь помыкать чужим имуществом. Она не удостоила мужчин приветствием, обогнула их, остановилась за углом и присела на корточ-

ки, чтобы потуже зашнуровать ботинок.

Вдруг один из мужчин выругался. Замерев, Уинифред прислушалась.

– Спесивая дрянь! Откуда в ней столько тщеславия?

Мистер Хьюз сплюнул, и она услышала шарканье подошвы по деревянной ступени.

– Как будто она чем-то лучше нас, – добавил мистер Парсон. – Конечно, собою она красавица, спорить не стану. Но ведь она простая посыльная, а держится среди нас, будто королева, черт подери.

– Держу пари, днем эта мерзавка разносит письма, а по вечерам подрабатывает в «Рассвете», – усмехнулся его собеседник, и оба захохотали.

Уинифред преспокойно затянула шнурок и поднялась, отряхивая платье от насевшей пыли. Слова мужчин ничуть ее не тронули – они смогли бы ранить ее достоинство, только если бы оно у нее имелось, а до ее самолюбия им было не дотянуться.

– Мистер Хьюз, – громко сказала она. – Советую вам отказаться от привычки плевать на ступени, иначе мне придется попросить мистера Парсона дочиста вылизать их за вами.

Мужчины замолчали и после краткой паузы поднялись на второй этаж, оставив Уинифред одну в коридоре.

Удовлетворенная, она постучала и, получив разрешение, вошла в кабинет мистера Уоррена. Он плотно занавешивал

вал окна, выходявшие на кирпичную кладку соседнего дома, и жег дешевые пахучие свечи из животного жира, так что в комнате всегда стояла густая неприятная полутьма. Уинифред сделала книксен и быстро выпрямилась, выжидаяще глядя на хозяина.

Мистер Уоррен поднялся. В любом другом теле он показался бы грузным, но в своем он выглядел просто внушительным – плотно сложенный, высокий, с проседью в коротко остриженных волосах. Уинифред невольно затрепетала. Мистер Уоррен был хитер и опасен, как старый волк, которого рано списывать со счетов. Впрочем, никому и в голову не пришло бы этого делать.

– Здравствуй, Винни, милая.

Мужчина вышел из-за стола, присел на его край и помянул Уинифред к себе. Борясь со знакомым рвотным позывом, она послушно подошла. Мистер Уоррен обхватил ее за талию и привлек ближе, почти вжав ее в себя. Уинифред окатило тяжелым мясным запахом застарелого пота и табака – мистер Уоррен никогда не пил, но много курил. Хрустнула бумага. Уинифред задержала дыхание и задержала взгляд в одной точке – так было легче терпеть отвратительную близость.

Она отчетливо видела жилку на его шее. Не было ничего проще, чем вытащить из волос шпильку и вонзить ее туда. От одной этой мысли, которую она не сумела сдержать, ее прошиб холодный пот, поскольку Уинифред знала, что ни-

когда не смогла бы этого сделать.

Она не произносила ни слова и ждала, пока мистер Уоррен заговорит первым. Тот опустил руку ей на бедро, очерченное складками юбки без каркаса, а затем змеиным движением поднял к декольте. Уинифред краем глаза следила за ним. Она не дышала, но не забывала делать характерные движения грудью, а то не дай бог ее хозяин подумает, будто над ним потешаются.

Мистер Уоррен взмахнул пальцами, и в его руке возник маленький конверт. Движение было стремительным, и Уинифред ничего бы не заметила, если бы ранее не услышала шорох бумаги. Теперь ее такими фокусами было уже не удивить, но она все равно округлила глаза, изобразив изумление.

Она позволила мистеру Уоррену вложить конверт в свою ладонь и беззвучно вдохнула через рот. Наконец, отлепившись от нее, мужчина встал, обошел стол, бухнулся в свое кресло и взял перо. Его напускная веселость исчезла.

– Отдай это письмо одному господину на балу. На нем будет фиолетовый галстук, ты сразу его заметишь. – Он что-то написал на листе бумаги, вновь обмакнул перо в роговую чернильницу и уставился на Уинифред в упор. – Пароль прежний.

Интересно, почему он не назвал ей имени этого господина? Не хотел, чтобы она им заинтересовалась?

Уинифред изогнула губы в улыбке, которая должна была

показаться смущенной, взволнованной и вместе с тем испуганной. Собственное лицо она изучила даже лучше чужих; более того, она им *владела* – каждой черточкой, каждым мускулом.

– Как прикажете, сэръ, – тихо произнесла она – верная, умелая, послушная. – Я вас не подведу.

Ответная улыбка мистера Уоррена была обманчиво теплой – в его глазах Уинифред увидела холод и сталь.

– Разумеется, Винни. И еще вот что...

* * *

К неудобствам, которые приходится ежедневно выносить великосветским леди, Уинифред приноровилась с поразительной легкостью, будто была для них рождена. Дышать быстро и мелко в тугом корсете оказалось совсем несложно – своим дыханием, как и лицом, она овладела в совершенстве. Кринолин, намного шире того, который она обыкновенно носила, лишил ее маневренного преимущества, зато красиво расправил юбки и сделал похожей на огромное голубое пирожное. На один вечер, пожалуй, сгодится, но как носить такое всю жизнь?

С помощью кучера Уинифред изящно забралась в арендованный экипаж, продемонстрировав на ступеньке носки шелковых бальных туфель с деревянными подметками. Внутри ее ожидала мисс Гэмпстон, в тот вечер игравшая

роль ее матери. Уинифред села напротив нее, расправила кринолин и, стараясь выглядеть непринужденно, стукнула костяшками по крыше экипажа. Щелкнули поводья, и он тронулся.

Мисс Гэмпстон было лет сорок. Она состояла на той же службе, что и Уинифред, – шпионила, доносила, подслушивала, играла. Обычно, чуть только девочки мистера Уоррена утрачивали первый цвет своей юности, он выставлял их вон – они становились ему не нужны. Мисс Гэмпстон была единственной, кто задержался, только теперь она торговала не телом, а секретами. Уинифред хотелось знать, что такого она сказала мистеру Уоррену, что он позволил ей остаться.

– Добрый вечер, – наконец с легкой улыбкой поприветствовала ее женщина.

Уинифред, испытав облегчение от того, что ей не придется здороваться первой, сдержанно ответила:

– Добрый вечер, мисс Гэмпстон.

Та наклонила голову. Светло-каштановые волосы были зализаны в простой низкий пучок. Она густо напудрилась, но белая пыль только подчеркнула складки на лбу и неровности кожи – признаки стремительно уходящей молодости. Бедняжка совсем не знала, как правильно прятать свой возраст. Но сегодня ей молодиться не требовалось.

– Я надеюсь, нет необходимости напоминать вам, что сегодня мое настоящее имя не должно звучать ни при каких обстоятельствах?

Уинифред презрительно сощурилась. Высокомерие этой женщины, возомнившей о себе невесть что, начинало ее раздражать. Почему она позволяет себе обращаться к Уинифред так, будто она какая-нибудь паршивая дилетантка?

– Разумеется, дорогая, будьте покойны.

Она позволила себе приторно-сладкую улыбку, коснувшуюся глаз. Не давая мисс Гэмпстон вставить и слово, она продолжила елейным тоном, который берут люди, раздраженные необходимостью разговаривать вежливо:

– Если вас это не затруднит, не пробежаться ли нам по основам? Мне бы не хотелось, чтобы на балу вы поставили себя в неловкое положение... *maaman*¹.

Глаза женщины сверкнули, и Уинифред едва удержалась от торжествующей улыбки.

– Как вам будет угодно, – сухо ответила мисс Гэмпстон, стиснув веер так сильно, что Уинифред со злорадством вообразила, что он вот-вот разломится пополам. – Я – миссис Гертруда Оукс, вдова мистера Генри Оукса. Вы – его дочь Мэри-Энн. – Она говорила с неохотой, но не так сердито, как хотелось Уинифред. – В начале сезона вы были представлены ко двору. Если кто-нибудь спросит, почему раньше вас не видели, я отвечу, что болезнь на долгие недели приковала вас к постели. На балу нас представит мистер Финчи, он не знает деталей, но согласился оказать услугу господину Уоррену. Я должна помочь вам ускользнуть с бала, а затем так же

¹ Маменька (*фр.*) – здесь и далее прим. авт.

незаметно вернуть на него. На этом все. Вы удовлетворены?

– Да-да, вполне.

Уинифред рассеянно улыбнулась, глядя куда-то мимо лица мисс Гэмпстон. Создалось впечатление, что она не слушала женщину вовсе. Ей захотелось съязвить насчет возраста своей спутницы, но она решила придержать колкость на тот случай, если мисс Гэмпстон не исчерпала запас своих.

– Позвольте задать вам вопрос?

Уинифред на секунду опустила ресницы и снова взглянула на собеседницу, на этот раз прямо.

– Разумеется.

– Вы еще не устали?

Помедлив с ответом, она приподняла брови, будто прекрасно уловила намек.

– Что вы имеете в виду?

– Всего лишь то, что спросила.

Мисс Гэмпстон отодвинула бархатную шторку; на ее лицо пролился свет уличных огней Челси. Она обернулась к Уинифред, и той показалось, что в глазах женщины мелькнула насмешка.

– У вас такой тугий корсет, милочка.

– Нет нужды беспокоиться, – с холодной улыбкой заверила ее Уинифред и отвернулась, прикусив щеки.

Ей было невдомек, что старая кошелка имела в виду, и это приводило ее в бешенство. Одно было ясно наверняка: они обе принимали друг друга за совершенных идиотов.

Может, мисс Гэмпстон намекала на работу у мистера Уоррена? Нет, она бы не посмела. Тогда что же это? Неудачная шутка?

Попытавшись выбросить из головы глупое замечание, Уинифред поглядела в окошко, не боясь показаться чересчур восторженной – все-таки это и была ее роль на сегодня. Она наблюдала, как леди в роскошных туалетах и сопровождающие их джентльмены с бриллиантовыми булавками в галстуках поднимаются по мраморным ступеням особняка виконта Уилкиса. Любому наблюдателю даже издалека стало бы ясно, что этой ночью здесь дают бал: высокие колонны были увиты плющом и розетками, рядом с белокаменными львами расставлены вазоны с цветами, из высоких окон лились свет, разговоры и звуки настраиваемого оркестра. Экипажи выстроились в длинную цепочку, тянущуюся аж с соседней улицы. Лошади нетерпеливо мотали головами и били копытами; возницы, скучая, покрикивали на них. Был уже поздний вечер, вот-вот должны были начаться танцы, а гости все продолжали прибывать.

Когда их экипаж наконец остановился перед входом, Уинифред быстро оцупала цветы в прическе, кивнула мисс Гэмпстон, и они выбрались на улицу. За все время ожидания они не обменялись ни словом.

Ледяной воздух опалил обнаженные руки и плечи, по ним побежали мурашки. Уинифред мельком глянула на мисс Гэмпстон, расправляющую свои черные шелковые юбки – ей

как «вдове» полагалось носить траур. В ее маленькой костлявой фигурке сейчас было так мало благородного и прекрасного духа, присущего высшему свету, что Уинифред тихонько фыркнула и отвернулась.

– Предоставьте говорить мне, – посоветовала она и, расправив плечи, зашагала ко входу в особняк.

Внутри дом оказался еще прекраснее, чем снаружи. Войдя, Уинифред на секунду зажмурилась, чтобы не ослепнуть. После темного, небогато обставленного, пахнувшего табаком и индийской сладостью «Рассвета» убранство казалось ей по-королевски роскошным. Белый мрамор полов и ступеней в холле был отполирован до блеска, который не сумели скрыть даже сотни отпечатков ног. Проемы без дверей, такие широкие, что Уинифред пришлось бы развести руки в стороны, чтобы коснуться обеих сторон, были обшиты темным лакированным деревом. С изящно вылепленных белых потолков свисали тяжелые люстры из хрусталя и серебра. Обстановка кричала о богатстве и безукоризненном вкусе владельцев. Грудь Уинифред защемило от почти болезненного чувства зависти, и она опустила голову, не закончив рассматривать причудливую люстру и потолок с фресками. Она и без восхитительного убранства дома Уилкисов знала, что давать частные балы могут позволить себе очень немногие, и раздосадовалась на себя за падкость на блеск и помпезность.

Когда дворецкий объявил их имена – так громко, что почти заглушил звуки оркестра, – Уинифред приготовилась

принять разом множество внимательных взглядов и даже нарочно приняла взволнованное и робкое выражение лица, которое ей очень шло. Но никто и головы не повернул. Бальный зал был таким огромным, что без труда вместил по меньшей мере три сотни гостей. На Уинифред уставились несколько человек, но и те вскоре отвели взгляд, отчего она почувствовала себя уязвленной.

Но к ним тут же порхнула хозяйка бала, леди Уилкис – полная приземистая женщина в годах, лично приветствовавшая каждого из гостей. Ее платье модного оттенка красного вина переливалось при каждом движении, а в ушах, на пальцах и на дряблой груди сверкали бриллианты и рубины. Уинифред и мисс Гэмпстон присели перед ней в книксенах.

– Добрый вечер, ваша милость, – произнесла мисс Гэмпстон, поднявшись.

Она вдруг преобразилась на глазах – в осанке появилось что-то неуловимо величественное, острый подбородок приподнялся, складки на напудренном лбу разгладились. Из падшей женщины, растерявшей с годами всю свою привлекательность, она превратилась в обыкновенную провинциальную дворянку вполне приятной наружности, подыскивающую для своей дочки приличную партию. Столь разительная и мгновенная перемена позабавила Уинифред.

– Добрый вечер, ваша милость, – пискнула она, вторя спутнице.

Леди Уилкис улыбнулась обеим, но ее взгляд стал рассе-

янным. Она не узнала их, но никак не могла этого показать. Ничто так хорошо не удается высшему свету, как делать хорошую мину при плохой игре.

– Очень рада, что вы смогли прийти, – смущенно произнесла она, пожимая им руки с улыбкой столь сердечной, что никому и в голову бы не пришло, что она видит их обеих впервые в жизни. Своим радушием леди Уилкис с лихвой возместила более чем равнодушный прием гостей. – Очень, очень рада.

Не задерживая хозяйку, Уинифред и мисс Гэмпстон снова поклонились и прошли в зал – распорядитель уже объявлял следующих гостей. Они заняли удобное местечко у стены, откуда можно было великолепно обозревать все помещение. Ряд высоких столов украшали вазы с цветами и огромные подкрашенные розовым цветом глыбы льда с прожилками, напоминающими росчерки молнии. Уинифред случайно задела каркасом платья ножку стола, и лед на подставке угрожающе покачнулся.

Вот-вот должны были начаться танцы, а их так никому и не представили. Но Уинифред заметила, что на нее с интересом поглядывает молодой человек в красиво сшитом темно-синем сюртуке – и наверняка не он один. Подобные взгляды были для нее не в новинку.

Теребя кольцо веера, она вполголоса, почти не шевеля губами, спросила мисс Гэмпстон:

– Где Финчи?

– Пока не вижу его.

В воздухе витали запахи канифоли, свечного воска, человеческого пота и совсем чуть-чуть – свежих цветов. Гости Уилкисов беседовали и приветствовали знакомцев, всюду звенел смех, то и дело слышались обрывки разговоров про предстоящий званый ужин у леди Освальд, скачки, новую постановку в Королевском театре на Хеймаркете и о том, куда следует отправиться осенью – ведь, как всякому известно, оставаться в Лондоне после окончания сезона нет положительно никакого смысла.

Уинифред разглядывала толпу, то высматривая мужчину с фиолетовым галстуком, то гадая, может ли тот или иной джентльмен оказаться мистером Финчи. К столу неподалеку подошли двое мужчин, увлеченных разговором, – о чем именно они говорили, Уинифред не слышала. Одному из них, смуглому и угловатому, навскидку было лет тридцать пять; его собеседнику – высокому, невозмутимому – она бы дала около сорока. Сначала Уинифред безразлично скользнула по ним взглядом, но что-то насторожило ее в облике второго джентльмена. Сделав вид, что рассматривает уложенный кругами блестящий паркет, она склонила голову и присмотрелась.

Его воротник подвязывал фиолетовый галстук.

Сердце Уинифред екнуло. Вот он – адресат мрачного предупреждения мистера Уоррена!

Джентльмен наливал в резной хрустальный бокал воду, но

вдруг его собеседник сказал нечто такое, отчего он рассмеялся и чуть не выпустил из рук графин. Улыбаясь и с напускной укоризной покачивая головой, он протянул другу запотевший бокал.

Черт бы побрал этого Финчи!

– Где же он? – сердито воскликнула Уинифред.

– Мужчина у зеркала. В темно-зеленом сюртуке.

Уинифред присмотрелась. Зеркальная стена находилась в самой глубине зала, но ей удалось разглядеть обладателя зеленого сюртука – плюгавого лысого человечка лет пятидесяти. Он был вовлечен в жаркий спор с двумя другими джентльменами и явно порывался уйти, но то и дело кто-нибудь из собеседников обращался к нему, и он оставался. Что-то говоря, Финчи повернул голову, встретился с Уинифред взглядом и осекся. Его лицо приобрело цвет спелого томата.

Она отвернулась, а через пару минут он возник рядом с ней. Вблизи Финчи оказался еще ниже... и еще лысее. Он запыхался от быстрой ходьбы, на висках выступила испарина.

– Добрый вечер, мисс Оукс, – учтиво поздоровался он, поклонившись. Мисс Гэмпстон он лишь коротко кивнул в знак приветствия. Вынув платок, Финчи быстрым жестом промокнул пот на лице. – Прошу прощения за задержку. Идемте, я представлю вас лорду Уилкису.

– Нет необходимости, сэр. – Уинифред бросила нетерпеливый взгляд на беседующих у стола мужчин. – Лучше пред-

ставьте меня вон тем джентльменам.

Финчи покосился в указанном ею направлении.

– Я их не знаю, мисс Оукс, – сказал он. – Позвольте лучше представить вас виконту.

Старый бесполезный олух. Можно было бы обойтись и без Финчи, раз он не знаком с единственным интересным ей человеком в этом зале.

– Что ж, ведите, – обронила Уинифред и поджала губы.

Их представили лорду Уилкису – тучному невысокому мужчине с усами пшеничного цвета, просто и со вкусом одетому. Он чем-то неуловимо походил на свою жену. Под тканью мокрой от пота перчатки угадывался широкий ободок обручального кольца. Его милость облизнул Уинифред руку, но зато очень мило улыбнулся. Его глаза расплылись в складках порозовевшей кожи и стали похожи на щелочки.

– Мисс Оукс, как вы находите Лондон? – поинтересовался лорд Уилкис, когда Финчи извинился и спешно откланялся, бросив на Уинифред испуганный взгляд.

– Он великолепен, сэр, – скромно восхитилась она, с усилием сосредотачивая взгляд на добродушном лице лорда Уилкиса.

Уинифред хотелось знать, ушел ли джентльмен с фиолетовым галстуком от стола? Придется ли ей теперь рыскать по всему залу в его поисках?

– Правду говорят: тот, кто не видел Лондона, не может зваться истинным англичанином!

Крякнув от удовольствия, виконт погладил ус – как и любой житель столицы, похвалу городу он всегда принимал на свой счет.

– Да-да, совершенно точно... Отлично сказано... – Он помолчал, явно подыскивая тему для беседы. – Вы, случаем, не из кентерберийских Оуксов?

– Из глостерширских, сэр, – ответила ему мисс Гэмпстон. – Мой покойный муж состоял в родстве с графом Беркли.

Виконт перевел взгляд с Уинифред на мисс Гэмпстон. Лицо его приобрело несколько кислое выражение, точно он удивился, как у *такой* матери вышла *такая* красавица-дочка.

– Да, разумеется... – Он вдруг распахнул светло-голубые глаза – такие яркие, какие бывают только у стариков. – Беркли! А вы, случаем, не знаете, как нынче самочувствие леди Беркли?

Улыбка мисс Гэмпстон стала натянутой.

– Насколько мне известно, она чувствует себя гораздо лучше, чем в прошлом году, сэр.

– Неужели? – вскричал лорд Уилкис. – И это в девяносто с лишним лет! Как замечательно, миссис Оукс!

Воспользовавшись тем, что мисс Гэмпстон заняла хозяйна бала беседой, Уинифред бросила взгляд на двух джентльменов. Они все еще беседовали у стола и, на ее счастье, явно не собирались покидать свое место. Угловатый молодой

человек пылко жестикулировал, чем вызывал снисходительную улыбку своего собеседника. Тот глотнул воды из бокала и слегка ослабил галстук.

Уинифред обернулась к лорду Уилкису с обворожительной улыбкой. С ее губ уже была готова сорваться просьба представить ее тем двум гостям, но он ее опередил:

– Миссис Оукс, мисс Оукс! Позвольте представить вам моего доброго друга – юного Теодора Дарлинга! Мистер Дарлинг, это миссис Гертруда Оукс и мисс Мэри-Энн Оукс, наше новейшее открытие! Совершенно очаровательное создание, вы не находите?

Уинифред подняла глаза на гостя лорда Уилкиса. Молодой человек был высок и хорош собой, одет дорого, но аляповато – в сочетании с ярко-голубым жилетом и синим сюртуком его галстук *фиолетового цвета* выглядел образчиком дурного вкуса.

Мистер Дарлинг поклонился и взволнованно улыбнулся Уинифред.

– В самом деле, мисс Оукс, вы сущий ангел. Надеюсь, вы подарите мне счастье любоваться вами в первом вальсе?

Глава 2

Послания и пароли

– С удовольствием, сэср! – пролепетала Уинифред и сделала книксен, протягивая мистеру Дарлингу руку.

С ее запястья свисала бальная книжка на шнурке. Юноша подхватил ее и раскрыл, удерживая большим пальцем страничку. Она улыбалась, но настороженно следила за тем, как он вписывает свое имя на первую строку.

Наконец он выпустил книжку, позволив ей качнуться на изящно изогнутом запястье Уинифред. Свернутые треугольниками записки, вклеенные в обложку, держались крепко, и мистер Дарлинг их не заметил.

И что его, франта несчастного, дернуло нацепить фиолетовый галстук? Не может же быть, что это ему адресовано послание господина Уоррена? На вид он глуповат. И чересчур молод – ему было не больше двадцати лет. Уинифред почувствовала, что начинает сомневаться, и от злости впи-лась ногтем большого пальца в указательный, чтобы болью прояснить голову.

Мистер Дарлинг не отрывал от нее взгляд, и Уинифред тоже присмотрелась к нему повнимательнее. На длинном узком лице с высокими скулами и впалыми щеками выделялись черные, густые, как смола, глаза. Изогнутые брови и

робкий прямой рот придавали ему несколько жалобное выражение, будто он вечно чему-то удивлялся.

Несмотря на жирно блестящие от бриллиантина волосы и нелепый наряд, Уинифред была вынуждена признать, что мистер Дарлинг очень и очень красив. Что-то было искреннее и притягательное в его облике, отчего хотелось заглянуть ему в лицо, поймать на себе взгляд его невидимых в темноте радужки зрачков. Эта магнетическая сила образа мистера Дарлинга, захватившая ее на мгновение, привела Уинифред в ярость. Вонзив ноготь глубже в палец, она притворилась смущенной и отвела взгляд.

Заметив, что юноша взирает на Уинифред с нескрываемым восторгом, лорд Уилкис добродушно рассмеялся, и она, стараясь не выказывать раздражение, расправила плечи. Обычно столь явное восхищение льстило ей, но только не сегодня – не хватало еще, чтобы этот дурачок волочился за ней весь вечер.

– Мистер Дарлинг, ваши друзья не почтут нас присутствием? Они ведь получили наши приглашения? – спросил его лорд Уилкис.

Мистер Дарлинг с усилием оторвал от нее взгляд и смущенно улыбнулся виконту. Улыбка у него была совершенно мальчишеская.

– К сожалению, не сегодня, сэ. Мистер Акли просил передать свои извинения.

С деланным неудовольствием лорд Уилкис покачал голо-

вой.

– Прискорбно, прискорбно... А что насчет мисс Саттон?

Он хитро прищурился и посмотрел на Унифред, мол, сами видите – мистер Дарлинг среди лондонской молодежи нарасхват! Она сделала вид, что не заметила, а юноша заметно смутился и даже покраснел – на его бледной коже отчетливо проступил румянец.

– Я... я не знаю, сэр, – выдавил он. – Вероятно, она занята подготовкой к собственному приему.

– Да, возможно, возможно... – Лорд Уилкис заложил руки за спину и бросил сначала взгляд на оркестр, наконец-то закончивший свои приготовления, а потом заговорщически поглядел на мистера Дарлинга. – Кажется, скоро начнется вальс! Прошу прощения, мне нужно найти мою супругу. Ле-ди... Мистер Дарлинг...

Они распрощались кивками и книксенами, и молодой джентльмен повернулся к Унифред:

– Разрешите?

Бросив взгляд на мисс Гэмпстон, она приняла его руку и позволила вывести себя на середину танцевальной залы, где уже встали другие пары. Взволнованно улыбаясь, мистер Дарлинг встал напротив Унифред. Она тоже улыбнулась ему, а потом, изображая смущение, опустила ресницы.

Как бы не перестараться с флиртом, а то к концу вечера он сделает ей предложение!

Когда заиграли первые такты вальса, мистер Дарлинг шаг-

нул ближе и несмело положил ей руку на талию. Они придвинулись друг к другу, и Уинифред в нос ударил острый сладкий запах гардении – судя по всему, юноша вылил на себя не меньше половины флакона духов. Ей до смерти захотелось чихнуть. Чтобы сдержать позыв, она прикусила язык и задержала дыхание. Она едва успела положить руку, в которой сжимала бальную книжку, на плечо мистера Дарлинга, и танец начался.

Движения ее кавалера были отточены и изящны; казалось, он даже не задумывается над тем, куда какую ногу поставить и как не столкнуться с другой парой. Уинифред пришлось хорошенько сосредоточиться, чтобы не сбиться или не отдалить мистеру Дарлингу ногу. Считая такты, она ждала, когда он заговорит, вдыхая оглушительно резкий аромат его одеколona.

– Как вы находите бал, мисс Оукс? – наконец спросил он.

Уинифред уже начала раздражать эта его глупая смущенная улыбка. Из-за путаницы с галстуками каждая мелочь злила ее сильнее обычного. Она на мгновение задержала дыхание, чтобы нагнать румянца на лицо.

– Он просто превосходен, мистер Дарлинг, благодарю.

– Я счастлив... – Он сбился и опустил голову. – Я счастлив, что был удостоен чести первым танцевать сегодня с вами, мисс Оукс.

Бог мой, да он почти влюблен в нее! Больше польщенная, нежели раздосадованная, Уинифред подавила улыбку и, что-

бы не встретить ненароком взгляд юноши, принялась рассматривать белую розочку в его петлице.

– Вы очень добры, мистер Дарлинг, – ответила она с легким придыханием в голосе.

Теперь ей хотелось потакать восхищению молодого человека, пускай он и был всего лишь получателем некоего послания. Если вообще им был.

Она поудобнее перехватила его плечо во время очередной фигуры и небрежно добавила:

– Признаюсь, я не ожидала, что бал так быстро меня изнурит. «Ночь скучная, меня ты утомила! Ночь длинная, убавь свои часы!»

– «О, заблести скорее на востоке, отрадный день»², – с легким недоумением продолжил мистер Дарлинг.

Его пальцы крепче сжали ее талию, и она чуть не рассмеялась. Боже, какой образованный мальчик – без заминки отта-рабанил ей Шекспира! Ну, просто прелесть! Уинифред ненавидела ошибаться и особенно рада была сейчас тому, что не обманулась насчет мистера Дарлинга.

Пальцами руки, лежащей на плече кавалера, она выудила из бальной книжки крошечный конверт из кремовой бумаги. Когда танец закончился, Уинифред будто нечаянно провела ладонью по его груди, опустив послание в вырез сюртука.

– Прочтите, когда останетесь в одиночестве, – выразительно прошептала она.

² Уильям Шекспир. «Сон в летнюю ночь» (пер. Н. Сатина).

Мистер Дарлинг не скрывал радостной улыбки. Снова предложив Уинифред руку, юноша проводил ее обратно к мисс Гэмпстон, поклонился и на прощание легко прикоснулся губами к затылку в перчатку пальцам. В его движениях и выражении лица появилась почти детская нетерпеливость.

– Благодарю вас за танец, мисс Оукс, – поблагодарил он и скрылся в толпе.

Уинифред приосанилась и проводила его насмешливым взглядом.

Возле столов после танца собралось много людей, но господин в фиолетовом галстуке и его собеседник по-прежнему держались обособленно. Их позы, обращенные друг к другу, подчеркнуто препятствовали началу какого-либо разговора с посторонними.

Раздосадованная, Уинифред отвернулась от них – как раз вовремя, чтобы увидеть, как виконт, наклонившись к своей жене, что-то ей говорит. Леди Уилкис поискала глазами по зале и безошибочно остановила свой взгляд на Уинифред. Мисс Гэмпстон тоже заметила это и шепнула:

– Лорд Уилкис просит жену заняться вами. Думаю, вы ему приглянулись.

– И без вас вижу, – чопорно отозвалась Уинифред, тайно млея от удовольствия.

И в самом деле – вскоре леди Уилкис подошла к ним, будто невзначай назвала обеих по имени и предложила представить их группе джентльменов у столика. Казалось, что

симпатия лорда Уилкиса передалась и ей – теперь женщина смотрела на Уинифред почти с материнской лаской.

Ее представили в том числе и двум интересовавшим ее джентльменам. Угловатого звали мистер Уоттс, а высокого, с галстуком – мистер Дейли. Ни один из них не обратил на Уинифред ни малейшего внимания. Холодно представившись, они продолжили свой разговор, даже не подумав пригласить ее на танец или поддержать светскую беседу.

С другими джентльменами Уинифред станцевала сначала кадрили, затем менуэт. Каждый раз, возвращаясь к столу после танца, она ловила на себе удивленный взгляд мисс Гэмпстон, и понемногу ее охватывало отчаяние. Рассчитывать на вежливость мистера Дейли явно не приходилось.

Когда после менуэта ее пригласили на польку, она жалобно протянула:

– Ах, мне, наверное, придется пропустить следующий танец, сэр! Что-то мне дурно... Здесь так душно!

Кто-то тотчас же притащил стул, и Уинифред усадили рядом с глыбой льда, недалеко от мистера Уоттса и мистера Дейли. Мисс Гэмпстон, изображая заботливую мать, даже подала ей воды.

Джентльмены разберлись кто куда. Рядом с ней, заложив руки за спину, топтался только один молодой человек, с красным носом и блестящими голубыми глазами. Он явно намеревался караулить Уинифред до того момента, пока она в достаточной мере не придет в чувство для того, чтобы при-

нять приглашение на танец. Но ее такая преданность несколько не тронула.

– Ах, маман, будет полька! – В порыве чувств «Мэри-Энн» сжала костлявую руку «матери», и та опешила. – Как жаль, что вы не танцуете! Вы ведь так любите польку!

– Это правда, дорогая, – мрачно согласилась мисс Гэмпстон.

Она догадалась, на что намекала Уинифред, и явно была не в восторге. Как и ее поклонник. Юноша вздохнул, самоотверженно принимая свой долг.

– Могу я доставить вам удовольствие, пригласив вас на польку, миссис Оукс? – предложил он, с тоской посматривая на Уинифред.

Мисс Гэмпстон вяло согласилась, и они ушли. У стола осталась одна Уинифред, а в паре шагов от нее – мистер Уоттс и мистер Дейли. Обмахиваясь веером, она прислушалась к их разговору.

– Вздор! – с жаром заметил мистер Уоттс – более молодой джентльмен. – Тебя послушать – так никто ничего не смыслит в политике!

– Неправда, – насмешливо возразил ему мистер Дейли. – Я смыслю.

Его собеседник рассмеялся – коротко и резко, но совершенно искренне.

– Будет тебе, Том! Ты рассуждаешь так, будто судьба Ост-Индии уже решена!

Теперь Уинифред чуть не обмирала от нетерпеливого интереса. Совпадение ли, что тема разговора затронула второе задание, данное ей мистером Уорреном?

Мистер Дейли помолчал, а потом сухо произнес:

– О судьбе Ост-Индии ты можешь судить не хуже меня. Кому не очевидно, что птица не желает жить в клетке, а человек – на цепи? Вполне резонно, что Индия хочет независимости. И рано или поздно она ее получит.

– Рано или поздно! – подхватил Уоттс. – В том-то и загвоздка! Это письмо...

– Чарли, это письмо – выдумка для тех, кто не знает, продавать им свои бумажки или спешно скупать новые. Хватит об этом.

Мистер Дейли покосился на Уинифред. Мистер Уоттс взглянул на нее, будто впервые ее заметил, и презрительно вздернул губу. Его несимпатичное лицо от кислого выражения стало совсем некрасивым.

– Сомневаюсь, что мисс Оукс заинтересована в политике, Том, – с нарочитой отчетливостью произнес он, язвительно улыбнувшись Уинифред, отчего она закипела. – Но, разумеется, я могу ошибаться. Скажите, мисс Оукс, каково ваше мнение относительно колониальной политики Британии?

– *Чарли!* – укоризненно одернул его мистер Дейли, но тот только отмахнулся.

Уинифред задумчиво свела к переносице светлые брови и опустила бокал на стол.

– По правде говоря, я совершенно ничего в этом не смыслю, сэр. – Она глупо хихикнула и потупилась. – Разве что могу сказать про нашу королеву Викторию. Знаете, когда меня представляли ко двору, она была в таком замечательном бархатном зеленом платье, ну просто прелестном!

Мистер Дейли помрачнел, не сводя с нее пронизательного взгляда. Уоттс расхохотался, и Уинифред, продолжая прикидываться дуручкой, тоже засмеялась. Про королеву ей было известно не слишком многое. Только то, что по ее примеру все британские девушки взяли за моду венчаться в белом, ее супруга Альберта вот-вот титулуют принцем-консортом, а новорожденная принцесса Беатрис – просто ангел. Уинифред уже приготовилась было вывалить на Уоттса ворох своих беспорядочных знаний, но тот ехидно заключил:

– Не будьте так уж строги к себе, мисс Оукс! Ваши познания в политике и впрямь достойны всяческих похвал.

Уинифред просияла. Уоттс, удовлетворив собственное самолюбие, отвернулся, вновь позабыв о ее существовании. Мистер Дейли помедлил, но тоже отвел взгляд.

Демонстрируя отсутствие всяческого интереса к их разговору, она принялась тихонько напевать танцевальную мелодию себе под нос.

– Что ты имеешь в виду, говоря, что письмо – выдумка? – все-таки понизив голос, продолжил Уоттс. – Я уверен, что оно действительно существует. Более того – я слышал, что его получил виконт.

– Лорд Уилкис? – насмешливо уточнил мистер Дейли.

– Да, он. Я верю, что в его руках – будущее страны.

Сердце Уинифред заколотилось так сильно, что она почувствовала, как теплеют от возбуждения щеки. Уоттс, сам того не ведая, сообщил все, что ей нужно было услышать. Она хотела расцеловать этого напыщенного дурака в обе щеки, хотя этот жест не принес бы ему ни малейшего удовлетворения.

Для Уинифред все сложилось великолепно. Нужно мистеру Уоррену письмо действительно существовало и, более того, находилось в распоряжении лорда Уилкиса. Вместе с личной печатью виконта она сможет выкрасть его. А значит...

Возможно, господин Уоррен согласится пересмотреть условия ее контракта.

– Не преувеличивай, – мягко осадил друга мистер Дейли.

Уинифред заставляла себя глазеть на танцующие пары, изображая живое восхищение. Полька заканчивалась.

– Будущее страны не зависит от того, набьют ли себе карманы золотом дельцы из Сити. Никому доподлинно не известно, о чем говорится в этом письме. Одни будут трубить, что Ост-Индия наконец-то идет ко дну, как ей и предсказывали после битвы при Плесси, а другие во весь голос заявят, что наступает золотое время для компании.

– И что же делать?

– Нам? Ничего.

Уинифред боковым зрением заметила, что мистер Дейли оглядел бальный зал. Танец закончился, и кавалеры проводжали дам на свои места.

– Оставь слухи в покое, Чарли. Если ты веришь, что письмо существует, верь и тому, что виконт распорядится им лучше любого из нас.

Придержав что-то в кармане жилета, мистер Дейли вынул часы, и Уоттс поджал губы.

– Том, – с мягкой укоризной произнес он. – С ней все в порядке.

Мистер Дейли щелкнул золотой крышкой и вернул часы на место.

– Ты этого не знаешь, – процедил он.

Они замолчали. По их встревоженным лицам Уинифред видела, что каждый думает о своем. Краткая пауза в их беседе дала ей возможность вклиниться в разговор.

– Чудесный вечер, не правда ли, мистер Дейли?

Джентльмен вскинул голову и несколько секунд равнодушно смотрел на Уинифред, будто пытаясь понять, к кому она обращается. Уоттс тоже поглядел на нее с удивлением, которое быстро сменилось раздражением. Он закатил глаза и принялся играть льдинкой на дне своего бокала.

– Совершенно с вами согласен, мисс Оукс, – наконец вымолвил мистер Дейли, сумев даже изобразить подобие улыбки.

– Ах, неужели следующим опять будет вальс?

– Полагаю, что именно так, мисс Оукс.

Уинифред кокетливо взмахнула ресницами, и Уоттс победил от злости.

– Обожаю этот танец!

Мистер Дейли галантно поклонился:

– Как и я, мисс Оукс. Позвольте пригласить вас?

Она позволила, сделав вид, что не заметила Уоттса, глядящего на нее, словно на драную уличную кошку. Юноша с красным носом, желавший танцевать с ней, грустно наблюдал, как мистер Дейли заносит в ее книжку свое имя. Потоптавшись на месте и отчего-то бросив исполненный неприязни взгляд на мисс Гэмпстон, он ушел.

Что такого мог прятать мистер Дейли в своем кармане? Тайную записку? Остужая зуд в пальцах, Уинифред прикоснулась к ледяному бокалу.

Подождав, пока позади нее к столу начнет протискиваться какой-то джентльмен, Уинифред ахнула, взметнула руки и налетела на мистера Дейли. Тот покачнулся, но не отпрянул. Он успел схватить ее за талию, а она его – за лацканы. Пока безвинный джентльмен рассыпался в извинениях, а мистер Дейли помогал обрести равновесие, Уинифред оттянула правый лацкан. Заглядывая распахнутыми глазами ему в лицо, она естественным жестом сунула два пальца левой руки в его нагрудный карман и спрятала в ладони нечто твердое и маленькое, со скругленными краями. Должно быть, портрет.

– Благодарю вас... извините, – пролепетала Уинифред,

прикладывая руку к груди и опуская плоский предмет в вырез платья.

Лицо ее покраснелось от волнения, губы стыдливо дрожали. Она отлично помнила, чему ее учил господин Уоррен: «Всегда держи в уме, что за тобой кто-то наблюдает. Даже если это не так».

– Что вы! Это я должен просить у вас прощения! – с жаром возразил джентльмен. Похоже, он сам уже поверил, что толкнул Уинифред.

– Вы в порядке, мисс Оукс? – сдержанно поинтересовался мистер Дейли, одергивая сюртук.

Когда Уинифред уронила робкое «да», Уоттс сверкнул глазами на незнакомца и угрюмо заметил:

– Будьте аккуратнее, сэр.

В ожидании вальса Уинифред смущенно щебетала с окружившими ее джентльменами о всякой ерунде, а в ответ на просьбы о танце отвечала, что уже ангажирована, – с такой робкой и виноватой улыбкой, что никто не сомневался, что ей действительно очень жаль. Когда наконец пары начали собираться, мистер Дейли предложил ей руку с таким безразличным видом, что это почти задело Уинифред. Можно подумать, она стала бы с ним танцевать, не касаясь дело поручения мистера Уоррена!

Ее нынешний кавалер танцевал почти так же хорошо, как мистер Дарлинг, но с гораздо меньшей грацией. Его уверенные, четкие движения производились скорее механически.

Впрочем, он ни разу не дал им столкнуться с другой парой и один раз даже ловко увел Уинифред в сторону, когда ее едва не сбил какой-то изрядно подвыпивший джентльмен. Но этим его обходительность исчерпывалась. Он не желал заводить с ней светскую беседу, и Уинифред снова пришлось взять все в свои руки.

– Ах, разве здесь не жарко, сэр? По-моему, просто умопомрачительно жарко!

В зале и правда было на редкость душно. Несмотря на запахнутые окна и подтаявшие глыбы льда на столиках, Уинифред почувствовала, как по спине меж лопаток у нее стекает струйка пота.

Мистер Дейли был невозмутим, как скала.

– Пожалуй, что так, – согласился он.

По его внешнему виду нельзя было заключить, что ему хватило совести взмокнуть или хотя бы испытать какие-либо неудобства.

– Признаться, эдакая жара просто изнурительна, – доверительно сообщила она своему кавалеру, придвинувшись чуть ближе. – «Ночь скучная, меня ты утомила! Ночь длинная, убавь свои часы!»

В глазах мистера Дейли промелькнуло искреннее удивление.

– Ведь рассветные птицы краше стократно других, – закончил он.

Уинифред верно выгадала момент – танец закончился, и

все зааплодировали. Она сделала быстрый книксен, а когда выпрямилась, конверт уже перекочивал в карман мистера Дейли. Он хотел что-то сказать, но колебался. Выражение лица было мрачным.

– Благодарю вас за танец, мисс Оукс, – наконец сдержанно поблагодарил он и предложил руку.

В его обхождении, и прежде довольно сносном, теперь появилась вялая, неохотная учтивость, продиктованная, как догадывалась Уинифред, некоторой опаской.

Проводив ее, мистер Дейли склонился к хмурому Уоттсу и что-то ему прошептал. Тот молча вскинул голову. Не посмотрев на Уинифред, оба покинули зал, и мисс Гэмпстон настороженно проводила их взглядом.

– Теперь, надеюсь, вы закончили? – с ноткой недовольствия спросила она.

– Не ваше дело, – отрезала Уинифред. – Ждите.

Лавируя меж гостей, она направилась на другую половину зала, к леди Уилкис. Несмотря на взмокший лоб и красные пятна на шее и лице, виконтесса сияла довольной улыбкой. Уинифред позволила ей себя заметить. Замерла на месте, в притворной растерянности оглядываясь по сторонам, и встретила с леди Уилкис взглядом. Та прервала беседу с немолодой женщиной в дорогом до безвкусицы платье и приветливо протянула к Уинифред руки.

– Мисс Оукс! – Виконтесса мягко пожала ее ладони и, смутившись, почти сразу же их выпустила. – Надеюсь, наш

бал пришелся вам по душе, дорогая?

– О, он просто превосходен, миледи! Благодарю вас за оказанную честь! – Она наклонилась к женщине и чуть тише поинтересовалась: – Пожалуйста, подскажите, куда я могу отлучиться припудрить носик?

Леди Уилкис зарделась гордым румянцем.

– Ах, благодарю вас! Впрочем, моей заслуги тут вовсе нет – это все наш бальный распорядитель, настоящий мастер своего дела! – Она понизила голос: – Комната для дам на втором этаже, первая слева от лестницы, дорогая.

Уинифред поблагодарила виконтессу и, протиснувшись через толпу, пошла прочь из бального зала. Оставалось надеяться, что наверху она не наткнется на чересчур деятельную прислугу.

В фойе первого этажа было пусто, и Уинифред остановилась, чтобы наконец рассмотреть украденный у мистера Дейли предмет. Им оказалась овальная миниатюра на пластине из слоновой кости. На портрете была изображена юная девушка, почти девочка, с изящным округлым лицом, которое обрамляли прямые каштановые волосы. Художник явно пытался скрыть ее страх, но тот все равно отпечатался в каждой ее акварельной черте: вымученная улыбка с опущенными уголками губ, напряженные брови. Интереснее всего были глаза: огромные, блестящие, затравленные и дикие одновременно. Чем-то незнакомка походила на мистера Дейли – не отдельными чертами, а общей гармоничностью лица, – и,

пожалуй, могла быть его сестрой. Не ее ли имел в виду Уоттс, говоря «с ней все в порядке»?

Оглядевшись по сторонам, Уинифред вышвырнула миниатюру у входа в бальный зал и поспешила наверх. На втором этаже газовые рожки на стенах были притушены, а доносившаяся из зала музыка скрадывала звуки шагов. В конце коридора она заметила дверь с царапинами на замочной скважине – ее часто запирали. Скорее всего, это и был кабинет лорда Уилкиса.

Уинифред вынула из прически одну из шпилек и нажала на ручку, но та неожиданно с легкостью поддалась – дверь была не заперта. Испугавшись, что виконт может оказаться внутри, она низким измененным голосом позвала:

– Милорд?

Никто не ответил, и она заглянула внутрь. Пусто. Видимо, лорд Уилкис зря понадеялся на бдительную прислугу и порядочность гостей. А может, сам недавно был здесь. Испытав облегчение от того, что не наткнулась на хозяина, Уинифред юркнула в комнату – так быстро, насколько ей позволяло платье на кринолине. Она бесшумно закрыла дверь и обернулась.

И точно – это был кабинет. Уинифред не стала зажигать свет, чтобы не выдать себя, так что комнату освещали только луна и уличные фонари. На письменном столе стояла фарфоровая китайская ваза со свежими белыми гибискусами. Вдоль оклеенных шелковыми обоями стен были расставле-

ны массивные шкафы темного дерева, а напротив стола глухо щелкали старые напольные часы. Справа от входа была еще одна дверь – скорее всего, она вела в личную уборную. Уинифред провела пальцем по спинке кресла, обитого золотистой тканью. Чисто. Похоже, прислуга бывает здесь часто.

Времени у нее было в обрез – раз дверь оставили открытой, кто-нибудь мог войти в любую минуту. Сразу решив обыскать письменный стол, Уинифред нашла на нем печать виконта с головкой из лакированного дерева и сунула ее в вырез платья. Грязное, вымазанное в сургуче основание печати больно впилося ей в стянутую корсетом грудь.

В поисках письма об Ост-Индии Уинифред без особой надежды перебрала послания в лотке с корреспонденцией. Нужного там не оказалось.

Тогда она дернула за ящичек письменного стола, но он не поддался. Подавив смутное радостное предчувствие, Уинифред еще раз дернула за ручку и, убедившись, что ящик заперт, опустилась перед столом на колени, стараясь не сломать кринолин. Она хотела воспользоваться собственными шпильками, но поразмыслила и стащила со стола пару железных скрепок. В конце концов, шпильки могли быть сделаны из чистого золота.

Проворно согнув металлические скобы, она вскрыла замочек и нетерпеливо выдвинула ящик. Внутри обнаружились две чистые печати (Уинифред заменила ту, что была обляпана сургучом, на новую), маленькие серебряные ножни-

цы, чистый носовой платок с инициалами и несколько конвертов. Перебрав их, она быстро нашла тот, который искала – кипенно-белый, плотный, с крестом Ост-Индской компании на сургучном оттиске.

В висках возбужденно застучала кровь. Уинифред вытаскала из конверта лист бумаги и пробежалась по нему глазами. Убедившись, что это именно то, что нужно мистеру Уоррену, она торопливо свернула письмо и сунула его туда же, куда и печать, а в конверт положила исписанный какими-то цифрами лист бумаги со стола.

Убедившись, что все лежит так же, как и раньше, Уинифред заперла ящичек, встала и отряхнула юбки. Оглядев себя и убедившись, что печать не выпирает, она поспешила к двери.

Однако когда она взялась за ручку, кто-то провернул ее с другой стороны.

Черт побери! Лорд Уилкис все-таки вернулся!

Времени искать надежное укрытие не было. Уинифред нырнула за ближайший шкаф, вжалась в стену и затаила дыхание. Тело расслабилось само собой. Она была уверена: если ее не заметят, она сможет неподвижно простоять хоть час, хоть всю ночь.

Кто-то вошел в кабинет и тихо, как Уинифред, закрыл за собой дверь, прокрутив ручку до конца, чтобы та не шелкнула. Значит, это не лорд Уилкис. Прислуга? Но что ей делать здесь в такой час, да еще и во время бала?

Уинифред хотелось узнать, кто зашел в кабинет, но незнакомец замер у двери. Впрочем, какая, к черту, разница, кто это? Свое дело она уже сделала. Но если ее все-таки увидят... можно будет попроситься с работой. Возможно, и с жизнью тоже, но об этом Уинифред предпочитала не думать.

Из-за шкафа ей открывался превосходный обзор на письменный стол. Вошедший к нему не спешил. Уинифред услышала легкие шаги, затем – скрип открываемой створки, совсем рядом. Цепенея, она втянула голову в плечи. Но ночной гость даже не стал заглядывать в бумаги – он тут же закрыл шкаф и направился к столу. Уинифред увидела спину незнакомца и тут же узнала его узкие плечи и синий сюртук.

Мистер Теодор Дарлинг.

Теперь, когда Уинифред знала, кто вместе с ней обыскивает кабинет виконта, ей стало тревожнее. Возможно, мистер Дарлинг не опасен, но он достаточно глуп, чтобы подорвать ее прикрытие.

К ее удивлению, юношу не заинтересовали ни настенные шкафы, ни бумаги на письменном столе. Он обошел его, оперся рукой на деревянную поверхность... и заглянул под него.

Уинифред машинально впилась ногтями в мякоть ладони. Очевидно, мистер Дарлинг знал, что она здесь. Более того – он искал ее. Значит, он уже прочел письмо и хотел потребовать от нее ответа. Тень шкафа была настолько плохим укрытием, что не заметить ее было попросту невозможно.

Не шевелясь, Уинифред с колотящимся сердцем ждала.

Юноша выпрямился, и тут напольные часы пробили полночь. Мистер Дарлинг обернулся. Мгновение его взгляд блуждал по стене, а затем остановился точно на лице Уинифред.

Он не удивился, разве что едва заметно вздрогнул от неожиданности. Уинифред решила предпринять последнюю отчаянную попытку выпутаться. Она шагнула вперед.

– Мистер Дарлинг! – произнесла она таким тоном, будто сгорала от стыда. – Это дамская комната!

Юноша ошеломленно распахнул глаза.

– Дамская... комната? – тупо переспросил мистер Дарлинг.

Уинифред даже показалось, что он покраснел. Впрочем, в таком неверном свете она не могла сказать наверняка.

Уинифред состроила смущенное личико и указала на дверь в стене справа.

– Да, сэр, она здесь, смежная с этой комнатой. Пятая справа от лестницы, дамская... Ах, прошу, не заставляйте меня повторять! Я сейчас просто сгорю от стыда!

Она прикрыла лицо руками и сквозь пальцы с удовлетворением заметила, что мистер Дарлинг, споткнувшись, шагнул к ней из-за стола. Невероятно, но этот идиот, похоже, действительно клюнул.

– Я и понятия не имел, что здесь находится... – он поперхнулся, – дамская комната. Приношу свои извинения.

Уинифред медленно отняла ладони. Выражение лица мистера Дарлинга было странным. Казалось, что-то в ее словах сбивало его с толку и вместе с тем забавляло.

Пока он не вспомнил про письмо, она торопливо попросилась:

– Доброй ночи, сэр!

Едва не переходя на бег, Уинифред прошла к выходу. Сердце колотилось как бешеное, она чувствовала, как пламенеют щеки. Она выкрутилась! Этот идиот...

Уинифред повернула ручку, но дверь не поддавалась. Холодея от ужаса, она дернула еще раз, но дверь была заперта. Повернувшись, она встретила взгляд мистера Дарлинга. Он почти смущенно улыбнулся, и Уинифред заметила блеснувший у него в руке ключик.

– Не расскажете ли, чем я хуже того господина, раз вы подсунули мне фальшивое письмо?

Глава 3

Адресаты и предложения

Уинифред быстро взвесила варианты, стараясь не обращать внимания на гудящую в голове кровь. Дело теперь складывалось из рук вон плохо, но нужно было хотя бы попытаться исправить ситуацию.

– М-мистер Дарлинг? – переспросила она, заставив свой голос дрожать. – Что это значит? П-почему дверь заперта?

Юноша прислонился спиной к столу. Он пытался казаться невозмутимым, но ему это плохо удавалось. Больше было похоже на то, что его смертельно клонит в сон.

– Прошу вас, перестаньте. – Мистер Дарлинг рассеянно почесал голову, испортив свою жуткую прическу – темные локоны сбились на затылке в колтун. – Я ведь прекрасно знаю, кто вы такая. Право, мне даже неловко как-то...

В груди Уинифред поднялась горячая волна гнева, такого дикого, что ей на мгновение заволокло глаза. Этот идиот запер ее, да еще смеет допрашивать?! Воображает, что все о ней знает?!

К счастью, ей было присуще удивительное качество – никогда не терять головы. Демонстрируя ледяное безразличие, Уинифред скрестила руки на груди. Локтем она почувствовала под корсетом печать, больно вдавившуюся в кожу.

– Надо же, вы меня раскусили. Восхитительно. Собираетесь держать в кабинете, пока не придет хозяин дома?

Мистер Дарлинг жестом указал ей на ближайшее кресло и пододвинул к нему другое. Уинифред, подобрав юбки, присела на краешек, он сел напротив. В темноте она не могла как следует рассмотреть его лицо, но по позе было ясно, что юноша очень взволнован – он почти вжался в кресло.

– Что вы делали здесь? Ловко же вы меня обманули, признаться, я почти вам поверил!

Его глупость развеселила Уинифред. Она рассеянно улыбнулась и подалась вперед.

– Не такая уж хорошая я лгунья, раз вы поняли это уже сейчас, – заметила она, наслаждаясь его растерянным выражением.

Ее все еще разбирал смех, но она до боли прикусила щеки и заставила себя молчать.

В темноте Уинифред видела лицо юноши будто через полупрозрачную вуаль, но заметила, как его глаза едва заметно расширились. Мистер Дарлинг боялся. И что самое замечательное – он боялся ее. Но чего именно? Того, что сам сболтнул лишнего, или того, что она могла наплести ему с три короба? Или просто он наконец-то понял, что недооценил ее?

Несколько секунд они сидели молча, потом мистер Дарлинг снова заговорил:

– Почему вы отдали письмо не мне? Я ведь назвал вам пароль.

Вместо ответа Уинифред принялась играть своим веером, щелкая костяными пластинками и рассматривая узоры на экране. На ее губах появилась наглая язвительная усмешка, и она не стала ее прогонять. Мистер Дарлинг стиснул руками подлокотники, оглянулся на дверь и торопливо произнес:

– Послушайте, мне сейчас еще беспокойнее, чем вам! Не лучше ли нам просто ответить на вопросы друг друга, мисс Бейл?

Уинифред застыла. Она понадеялась, что ослышалась, но глаза молодого человека искрились восторгом – он явно остался доволен произведенным эффектом. Откуда ему известно ее имя?

– Удивлены? – спросил он. – Скажите, а имя у вас настоящее? Впрочем, чего я спрашиваю – конечно, настоящее. Никто в здравом уме не стал бы себя называть Уинифред.

Она поперхнулась от возмущения.

Пускай сейчас он посмеивался над ней, Уинифред понимала, что попала в крупные неприятности. Первое ее впечатление о мистере Дарлинге оказалось обманчиво. Она-то полагала, что он просто смазливый юнец, чья-то подсадная утка. Это было настолько очевидно, что Уинифред задумалась, не мистер Уоррен ли его подослал. Но теперь она видела совершенно другого человека. Он ссутулил плечи и опустил подбородок. Теперь Уинифред увидела, что он еще младше, чем ей показалось – лет девятнадцать, не больше. Мистера Дарлинга послали не просто перехватить письмо, предна-

значавшееся мистеру Дейли, – он явно был замешан в чем-то более серьезном. Сейчас в его руках неведомым образом оказалась самая главная ценность Уинифред: тайна ее личности. Если он исполнит свою невысказанную угрозу – ей конец.

Конечно, она могла бы его убить. Но даже если ей удастся незаметно вытащить труп из дома лорда Уилкиса, вряд ли она сумеет поймать кеб, который согласится везти покойника. А если она оставит мертвого мистера Дарлинга здесь, ее исчезновение кто-нибудь обязательно свяжет с убийством. На секунду Уинифред поверила в то, что сможет убить Дарлинга и преспокойно вернуться на бал. Никто и не подумает на хрупкую юную девушку – тем более в голубом она выглядит, как сущий ангел. Но потом ей пришлось напомнить себе, что она ни разу в жизни не убивала и вряд ли это так уж легко.

Нет. Необходимо, чтобы юноша сам ее отсюда выпустил и впредь молчал о том, что знает. Уинифред оставалось согласиться на его условия и рассказать как можно меньше, выпытав как можно больше.

Нервноничая, мистер Дарлинг встал с кресла и стиснул руки за спиной. Помедлив, она произнесла:

– Я не буду отвечать на ваши вопросы, пока вы не дадите ответы на мои.

Явно испытывая облегчение, мистер Дарлинг торопливо сел обратно.

– Прекрасно. Ваш ответ – на мой ответ. Звучит справедливо. Только дайте слово, что будете отвечать честно.

Он задорно улыбнулся, точно это презабавнейшая игра. Уинифред положила веер на кресло и сцепила в замок пальцы.

– Как вы узнали о письме? – сухо осведомилась она.

Юноша фыркнул.

– Думаю, вы и сами догадываетесь. Наши люди есть даже подле вашего хозяина. Нам сообщили, что вы должны передать некое письмо человеку в фиолетовом галстуке.

Он вытянул вперед длинные ноги, и Уинифред поджала свои.

– Как же вам пришло в голову сделать копию? Эту ужасную, ужасную шутку, которую вы всучили мне взамен письма? – Мистер Дарлинг потянулся ко внутреннему карману сюртука и вынул маленький кремовый конверт. Нарочито медленно развернув письмецо, он принялся зачитывать его вслух подрагивающим от смеха голосом: – *«Фиолетовый – цвет роскоши, крепчайшей на свете дружбы, торжества и величия. Ваш галстук как нельзя кстати подчеркивает ваши достоинства. Носите его с гордостью и честью»*. – Юноша сложил записку обратно в карман и с улыбкой уставился на нее. – Очень забавно.

Уинифред надменно приподняла брови. Меньше всего ее сейчас интересовало мнение мистера Дарлинга о фальшивке. Но все-таки кое-что в его словах показалось ей интерес-

НЫМ.

– Вот как? И кто же ваш доносчик?

– Нет уж, моя очередь. – Мистер Дарлинг склонился вперед, опершись локтями на колени. – Будьте добры, удовлетворите мое любопытство: как вы догадались, что меня послали перехватить письмо?

– Вы не назвали пароль.

– Но вы же... – Его лицо удивленно вытянулось. – Вы ведь цитировали Шекспира... «Сон в летнюю ночь». Разве это не пароль?

– Нет, разумеется, – подчеркнуто презрительным тоном отрезала Уинифред. – «Сон в летнюю ночь» может знать любой. А вот нужные слова знает только владелец фиолетового галстука. «Ведь рассветные птицы краше стократно других».

– Рассветные птицы... Ну, конечно! «Рассвет»! Заведение вашего хозяина, мистера Уоррена! Что ж, это впечатляет, мисс Бейл!

Уинифред нахмурилась. Ей совершенно не нравилось, что мистер Дарлинг располагает такими подробностями ее жизни.

– Кто он – ваш человек у мистера Уоррена?

– Этого я сказать не могу. Я, конечно, сглупил, но не совсем идиот. – Снова приходя в волнение, мистер Дарлинг неловко выпрямился в кресле и добавил: – Впрочем... мой хозяин мог бы...

Закончить он не успел – в коридоре послышались шаги.

Ручка дернулась и затряслась.

– Что за чертовщина! – явственно послышалось с той стороны – Уинифред узнала голос лорда Уилкиса.

– Заперто? – поинтересовался кто-то другой.

Уинифред вскочила с кресла почти одновременно с мистером Дарлингом. Он знаком показал ей на уборную лорда, и она кивнула.

– Да... Право, очень странно, – ответил виконт.

Через секунду ключ царапнул по замку и с тихим лязгом вошел в замочную скважину.

– Я наказывал прислуге не запирасть двери.

Мистер Дарлинг ринулся в уборную, Уинифред – за ним. Она прыгнула следом, задев лицом что-то мягкое, и закрыла дверь ровно в тот момент, когда открылся кабинет.

Тут же Уинифред с леденящей ясностью осознала две вещи. Первая: это вовсе не уборная, а маленький гардероб в стене. Вторая: ее веер остался на кресле.

От ужаса она на секунду подавилась воздухом, и только теснота помешала ей согнуться пополам. Никогда раньше она не позволяла себе таких оплошностей. Не позволяла себя заболтать, отвлечь, забыть о простейших принципах своего дела. Чтоб его! Мало того что она застряла в гардеробе с этим идиотом Дарлингом, так их еще могут обнаружить в любой момент! А все из-за дурацкого веера, черт бы его побрал!

Дверь в кабинет захлопнулась с громким щелчком.

– Право, милорд, я вас совсем не понимаю, – донеслось до Уинифред. Говорил второй человек, зашедший вместе с лордом Уилкисом. – Это письмо – всего лишь первое из многих. Зачем так за него держаться?

Речь снова шла о компании. Уинифред почти почувствовала гладкость бумаги, спрятанной под ее корсажем.

Лорд Уилкис молчал. В щелку между дверью и косяком пробился желтый свет – он зажег свечи.

В гардеробе слегка пахло лавандой и сильно – резкими духами мистера Дарлинга. Юноша стоял рядом неподвижно и бесшумно, но Уинифред ощущала его присутствие так же явственно, как прикосновение меховых шуб к обнаженной спине. Она запустила руку в карман одной из них и беззвучно разломилла сухую веточку лаванды, которую положили в спрятанную на лето одежду.

Хорошо, что она не леди, а мистер Дарлинг – не джентльмен.

Послышался тонкий гудящий звон стекла – в кабинете разливали что-то по стаканам.

– Я не ввязывался в политику, – наконец устало проговорил виконт. – Мне нет дела до Ост-Индской компании и денег, которые все так жаждут с нее получить. Я честный джентльмен и уже жалею о том, что вообще прочел это несчастное письмо. Хотите знать, что я думаю? Быть дельцом или, как вы это называете, «человеком бизнеса» в наше время – дело недостойное и глупое. Именно по этой, и ни по

какой иной, причине я не отдам письмо ни вам, ни кому-либо другому.

Собеседник лорда Уилкиса молчал. Уинифред давно заметила, что молчание может сказать о человеке не меньше, чем речь. Сейчас ей показалось, что гость виконта уязвлен отказом.

Она опустила голову, покосившись на мистера Дарлингга. Он стоял у нее за спиной – не слишком близко, их разделял ее криолин, – но Уинифред чувствовала на своей шее его дыхание.

– Вы рассуждаете, как пэр. Впрочем, это ваше право, безусловно, – вкрадчиво парировал гость. Он начинал раздражаться, но не выпускал из голоса медоточивость. – Но что же делать простым людям, единственный доход которых состоит в заключении сделок?

– Я не мешаю никому заключать сделки.

– Я прекрасно вас понимаю, милорд. Но ваше письмо... Поверьте, в нужных руках оно может принести славу и честь Англии!

– Нет, вижу, вы меня совсем не понимаете, – резко возразил лорд Уилкис. Уинифред и не подозревала, что в этом мягком, добродушном человеке таится такая сила воли. – Я не вижу чести в порабощении. Как я уже сказал, письма вы не получите. – Послышался звук отпирания ящика, и у Уинифред по спине побежал холод. – И никто не получит.

Ей не нужно было видеть, чтобы догадаться, что происхо-

дит. Собеседник Уилкиса вскочил с кресла, чуть не перевернув его, задние ножки с глухим стуком опустились на ковер. Через дверную щель потянуло гарью.

Что-то щекотало Уинифред плечо, и она недовольно дернула им. По коже на краткое мгновение скользнула рука в перчатке и тут же отдернулась. *Он что, играл с ее волосами?*

– Милорд, вы... – В голосе незнакомца был слышен плохо скрываемый гнев. – Что вы наделали?! Вы уничтожили бесценное...

– Прошу вас, передайте остальным «людям бизнеса», что письма больше не существует, – прохладно ответил лорд Уилкис. Уинифред отметила, что он ни разу не назвал своего собеседника по имени. – Ровно так же, как вы сообщили всем, что оно находится в моем распоряжении. Думали, я не узнаю об этом? Я удивлен, что у вас хватило наглости прийти сюда.

– Не смею вас больше задерживать, милорд, – угрюмо сказал незнакомец. Вся его благожелательность испарилась – теперь, когда конверт был уничтожен.

– Я провожу вас, – с прохладной учтивостью отозвался лорд Уилкис.

Они вышли из кабинета, не заперев его. Уинифред выждала несколько минут, отсчитывая вдохи, затем аккуратно повернула ручку и выскользнула на свободу. Воздух в кабинете, слегка отдававший гарью, после душного гардероба казался ей таким свежим и холодным, что у нее закружилась

голова.

Унифред мельком осмотрела кресло. Ни на нем, ни под ним веера не было. Ее сердце кольнуло. Пусть их самих и не обнаружили, но кто бы ни забрал веер – лорд Уилкис или его гость, – радости ей это не сулило. Сегодня она оставила за собой длинный след из хлебных крошек.

Мистер Дарлинг тоже вышел и аккуратно прикрыл за собой дверь гардероба. Щеки юноши заливала краска – теперь, в свете свечей на столе, Унифред могла хорошенько его разглядеть.

– Ох, ну и ночка! – восторженно выдохнул он. – Танцевал с прекраснейшей девушкой на балу, был ею дважды... нет, трижды обманут, а затем заперся с ней в шкафу! И все это – еще до помолвки!

Унифред развернулась на пятках и яростным взором встретила веселые глаза Дарлинга. Будучи раздраженной из-за пропавшего веера, она больше не собиралась прятать свой гнев.

– Помолчите! – прошипела она. – Это не повод для шуток!

– А что же тогда повод? – простодушно осведомился он. – Поверьте, я могу шутить обо всем, о чем вам будет угодно. К примеру, о том письме, которое вы спрятали у себя в декольте. Невероятно удобная штука – эти ваши корсеты! Носи я такой, то пользовался бы им на полную катушку! Таскал бы пряники с обеденного стола, жульничал бы в вист... Ах, постойте, у меня для этого есть кое-что поудобнее. – С

довольным видом он похлопал себя по груди. – Карманы!

Остолбнев, Уинифред слушала его нелепую речь. Откуда он знает, что письмо... Нет, он не может знать. Это просто дикая догадка, которую он хочет подтвердить ее реакцией.

Она изобразила легкое злое недоумение – такое, чтобы он понял, что она не играет.

– У меня нет письма. Вы что, не слышали, что виконт его сжег? Здесь до сих пор витает запах.

Она обернулась и указала на кучку пепла с оплавленной печатью на серебряном подносе. Рядом стояли два резных стакана с нетронутым напитком.

Дарлинг нахмурился и от этого еще больше стал напоминать грустного щенка.

– Зачем вы врете? – спросил он с таким искренним недоумением, что Уинифред даже не сразу нашлась с ответом.

– Что ж, вижу, мне вас не переубедить.

– Как и мне вас.

Дарлинг подошел к столу и поворошил кучку пепла пальцем. Поразительная глупость – вот так запросто портить перчатки! Уинифред незаметно скользнула рукой в прическу и зажала в пальцах острую шпильку.

– Я полагаю, наши совместные дела на этом закончены? – осведомилась она, делая вид, что расправляет юбки.

Дарлинг быстро поднял голову.

– Не совсем. – Он вытер руку о ткань сюртука, так что на нем остались длинные серые пятна, и шагнул на свет. – У

меня есть к вам предложение, мисс Бейл... Делового характера.

Уинифред насторожилась, крепче стиснув в пальцах свое крошечное золотое оружие. Ей не нравилось, когда мужчины делали ей предложения, в особенности *делового характера*. Обычно это заканчивалось вовсе не тем, чего она ожидала.

– Как я уже упоминал, я знаю, на кого вы работаете, – начал Дарлинг. – Насколько я знаю, мистер Уоррен не слишком... хороший человек. Если вы хотите... я могу сделать так, что ваш контракт с ним уже к завтрашнему вечеру окажется у меня на столе. – Он бросил взгляд на старомодные напольные часы из красного дерева, с которыми у Уинифред были свои счеты, и торопливо исправился: – Точнее, уже к сегодняшнему вечеру. Я предлагаю вам сделку. Настоящую сделку, а не рабскую договоренность, которую вы подписали со своим хозяином.

Дарлинг неловко улыбнулся, и Уинифред с удивлением отметила, что он не лжет. На секунду она задумалась, каково было бы не зависеть от мистера Уоррена, но тут же отмела эту мысль. Если она не будет зависеть от мистера Уоррена, тогда она просто будет зависеть от кого-то другого.

– Что за сделка? – наконец спросила она, с привычным высокомерием вздернув подбородок и спрятав руки за спину. – И почему я должна вам верить?

Не размыкая сцепленных рук, Дарлинг оперся плечом о книжный шкаф.

– Сделка такова: я получаю ваш контракт с мистером Уорреном и рву его в клочья, а вы... – Он замешкался и опустил взгляд на серебряный поднос с кучкой пепла. – А вы передаете мне письмо лорда Уилкиса об Ост-Индской компании. И я подпишу с вами новый контракт, разумеется. Всего на год. Поработаете на меня до следующего лета, и идите куда глаза глядят.

Уинифред моргнула.

– Поработаю... *на вас?* – скептически переспросила она.

Дарлинг с секунду тупо смотрел на нее, а затем зажмурился.

– Проклятье! Прошу прощения. Я идиот. Ну да, на меня. – Он нервно засмеялся. – Когда я говорил про своего хозяина, я имел в виду... себя. Это я. В смысле, я и есть мой хозяин.

Уинифред с недоумением слушала его сбивчивую болтовню. Этот лопочущий недоумок умудрился сколотить организацию, по осведомленности составляющую конкуренцию самому мистеру Уоррену? Более того: он сумел переманить на свою сторону кого-то из приближенных ее хозяина? Нет, это попросту невозможно.

– Позвольте-ка прояснить. Вы хотели забрать письмо, а когда не вышло, решили, что к письму вам в придачу нужна еще и я сама?

Дарлинг смущенно почесал голову.

– Мне показалось, что это хорошая идея... Разве нет?

– Вы и правда идиот, – резко оборвала его Уинифред. – С

чего вы взяли, что я стану работать на вас? Почему бы мне сейчас же не рассказать мистеру Уоррену все, что я о вас узнала?

Она узнала не так уж и много, но пускай он думает, что сболтнул лишнего.

У Дарлинга сделалось такое лицо, будто он с трудом пытается рассчитать что-то в уме. Скорее всего, так дело и обстояло.

– Разумеется, вы можете, – тщательно взвешивая каждое слово, произнес он. В голосе его слышалось недоумение. – Но какой в этом смысл? Ваш контракт с мистером Уорреном – бессрочный. Я же предлагаю вам договор на год. Всего год!

Он отлепился от шкафа и сделал шаг к Уинифред. Она не двинулась с места.

Это ловушка. Точно ловушка. Должно быть, мистер Уоррен проверяет ее, вот и подослал к ней Дарлинга.

Одна только мысль о том, что мистер Уоррен мог узнать о ее сомнениях, привела Уинифред в ужас. На предплечье закололо шрам, скрытый длинной бальной перчаткой.

– Мисс Бейл, вы прекрасный специалист в своем деле, – продолжал юноша. – Не скрою, я был бы счастлив заполучить вас. О вас слышали многие. А вот о том, что вы – это именно *вы*, знают единицы. Включая меня. У вас нет причин отказывать мне. Но если вы все-таки донесете на меня, я верну любезность. – Дарлинг виновато улыбнулся и добавил, будто подумав, что до нее не дошел смысл его слов: – То есть

я расскажу всем, что вы и есть та самая Уинифред Бейл.

– Довольно! – выпалила Уинифред.

Она подскочила к Дарлингу, и в ее пальцах сверкнула золотая шпилька. Момент – и острие оказалось в опасной близости от его шеи.

Злость бурлила внутри нее, шипела. Она так долго сдерживала ее, что это чувство казалось ей теперь незнакомым... и восхитительным. Уинифред прошиб ледяной пот, хотя в кабинете было жарко. Он угрожает разоблачить ее? Идиот, идиот, идиот!.. Она убьет его прямо сейчас!

Возможно, ей просто не хотелось признавать, что он ее обставил? Что ее мечты о том, что мистер Уоррен наконец отпустит ее на свободу, так и останутся мечтами? Что боится она не разоблачения, а собственного хозяина?

Ее рука не дрожала. Она вообще не могла заставить себя ею пошевелить.

Выражение лица у Дарлинга было спокойное и простодушное.

– Как грубо, – прокомментировал он, скосив глаза на шпильку у своей шеи. – Вы знаете, я не планировал сегодня умирать, мисс Бейл.

Уинифред едва сдерживалась, чтобы не закричать от досады. Ее раздражали его тупые шутки, его бахвальство, странная осведомленность, невинный шантаж. Больше всего ей сейчас хотелось вспороть Дарлингу шею и насладиться кратким выражением удивления на его лице. Но это было бес-

смысленно. Она видела, что юноша не лжет. А раз так, значит он предлагает ей хорошую сделку. Отказываться глупо, а Уинифред не способна на глупости.

Помедлив, она отвела руку от шеи Дарлинга и демонстративно вонзила шпильку обратно в прическу. Ей в голову пришла мысль: каково было бы почувствовать чью-то теплую липкую кровь на руках? Испытывала бы она отвращение или восторг? Смогла бы вот так запросто вернуть в прическу испачканное кровью Дарлинга украшение?

Этот идиот не сможет ее обмануть. А если и обманет, она поймет это и сама обведет его вокруг пальца.

Мистер Уоррен ничего не узнает. А если и узнает, она сбежит прежде, чем он убьет ее.

– Хорошо, – наконец произнесла она. – Я согласна на ваши условия. Вы уничтожаете мой контракт с мистером Уорреном. А я подписываю с вами новый, на год, и отдаю вам письмо.

Дарлинг снова расплылся в своей идиотской восторженной улыбке.

– Восхитительно! – вырвалось у него, и он тут же смутился. – Я... очень рад нашему сотрудничеству, мисс Бейл.

Он протянул ей руку, и Уинифред осторожно ее пожала. Ладонь Дарлинга оказалась очень теплой, почти горячей.

– Можно просто Теодор, – со смущенной улыбкой предложил он. – Вы меня очень обяжете.

Уинифред резко отняла руку.

– Не стоит. Я предпочитаю сохранять дистанцию в деловых отношениях, мистер Дарлинг.

Он нахмурился, но тут же снова просиял.

– Что ж... Я ценю вашу рабочую этику, Уинифред. Я ведь могу звать вас Уинифред?

– Нет, – снова отрезала она. – Где я могу встретиться с вами, чтобы узаконить нашу сделку?

Дарлинг похлопал себя по карманам и выудил из нагрудного клочок бумаги. Замявшись, он долго расправлял его пальцами и наконец протянул Уинифред.

– Приезжайте вечером в мой офис. Адрес вот тут.

Уинифред развернула помятую бумажку. Это оказалась визитная карточка – недавно напечатанная, но замусоленная до такой степени, что едва можно разобрать буквы. Дарлинг нагнулся, тоже рассматривая ровные полустертые строчки. Уинифред захотелось изо всех сил боднуть его головой, чтобы у него посыпались искры из глаз.

Она сложила визитку, демонстративно сунула ее под корсаж и задрала подбородок, чтобы поглядеть Дарлингу прямо в лицо.

– Я буду в семь. Не заставляйте меня пожалеть, что доверилась вам, – хладнокровно произнесла она.

Юноша был выше ее на добрую голову, но Уинифред с легкостью удавалось разговаривать с ним свысока.

Дарлинг поклонился. Его глаза смеялись.

– Что вы, мисс Бейл! Я бы не посмел.

Глава 4

Тряпки и шпильки

Уинифред вернулась с бала глубокой ночью. Наемный экипаж по ошибке высадил их с мисс Гэмпстон у соседнего дома, а они слишком устали, чтобы заметить это сразу.

Ночь была светлая и холодная. Недавно прошедший дождь посеребрил листву деревьев, рассеял смог и прибил к земле пыль. От воды потемнели старые стены домов, крыши и брусчатка.

Тихо взбежав к себе в комнату, Уинифред закрыла дверь и прижалась к ней спиной. Слишком много всего произошло за этот вечер. Она все еще размышляла, не слишком ли много.

Прежде чем покинуть особняк лорда Уилкиса, Уинифред пришлось вернуться на бал и даже два раза танцевать, чтобы не привлекать к себе внимания. Она была удивительно рассеяна, мысли ее витали далеко, и даже мисс Гэмпстон, хоть и не задавала вопросов, с оттенком беспокойства в голосе заметила, что Уинифред очень бледна. Дарлинг в бальном зале больше не появлялся, хотя чудился ей в каждой черной макушке.

Мысли в голове Уинифред и сейчас путались и терялись в странном, тугом тумане. Почти автоматически она разде-

лась, вспомнив про печать только тогда, когда она, выпав из-под расшнурованного корсета, глухо стукнулась о деревянный пол. Следом, легко скользнув по ноге, спланировал сложенный пополам лист бумаги.

Скользнув в ночную сорочку, Уинифред повела плечами от холода и присела на колени перед окном. Это было маленькое мутное окошко с хлипкой деревянной рамой, которую Уинифред подтыкала на зиму тряпьем, чтобы не замерзнуть насмерть. Она в него редко выглядывала – вид из него был только на тупик.

Беззвучно расшатав подгнившую половую доску у самой стены, Уинифред вынула ее и скользнула рукой в образовавшееся углубление. Там, завернутый в старый платок, лежал мешочек с монетами – все ее сбережения. Туда же она пристроила печать.

Вставив на место доску, Уинифред по привычке огляделась – будто кто-то мог следить за ней в ее же комнате. Она развернула письмо. С улицы лился слабый голубой свет, но его хватало, чтобы разобрать строчки:

«Мирут, 16 апреля 1857

Дорогой друг,

Ты был прав – бесконечно прав, как и всегда. Нет места войне там, где есть место вере; и воцарится хаос там, где восторжествует насилие.

Я больше не верю в то, что дело наше – правое. Я не ве-

рю в то, что эти бедные люди должны идти против своих убеждений по нашей воле. Да и как я могу? Неужели человек может быть настолько тщеславен, чтобы возомнить, будто его вера лучше чьей-либо еще? Будто его Бог – единственный достоин любви и уважения? Нет, отнюдь. Даже миссионеры, прибывающие в самые отдаленные уголки мира со своей благородной миссией, приводят к Творцу неверующих священными текстами, а не винтовками; словами любви, а не ненависти к ближнему.

Я уверен, что компания никогда уже не будет прежней. Начинаются беспорядки, и хотя силы сипаев несравнимы с нашими, сама возможность бунта указывает на конец всего. Впрочем, я надеюсь вскоре вернуться в Англию. Тот день станет счастливейшим в моей жизни.

Уповаю на скорую встречу с тобой, мой добрый друг.
Капитан Дж. Томпсон»

Уинифред аккуратно сложила письмо и уставилась в пол. Значит, из-за угрозы восстания компании приходил конец, а она держала у себя в руках ключ к десяткам тысяч фунтов, которые дельцы могли приобрести или потерять. Теперь она понимала, почему мистер Уоррен так желает заполучить письмо – оно могло бы озолотить его, вознести на ранее недостижимые вершины. Но сейчас оно оказалось в руках Уинифред, и именно ей решать, как им распорядиться. Впрочем, эта власть делала ее бессильной.

Можно ли верить Дарлингу? Пускай он вел себя как совершенный идиот, за его хорошенькой мордашкой спрячутся странная пронизательность и цели, о которых она не знает ничего. Уинифред практически исключила вероятность, что его послал мистер Уоррен – тогда она вряд ли пережила бы ночь.

Если Дарлинг и впрямь уничтожит ее контракт, у мистера Уоррена не останется легальных рычагов давления на нее. Возможно, она сумеет скрываться от него какое-то время; возможно, и Дарлинг сумеет как-то оградить ее. Смог же он внедрить к мистеру Уоррену своего человека.

На секунду Уинифред всерьез захотелось принять его предложение. Ей хотелось свободы, которую он сулил, хоть она и понимала, что из клетки с железными прутьями ее пересаживают в такую же, только с золотыми.

Но мистер Уоррен страшил ее гораздо больше, чем влекла невесомая надежда на свободу. На что бы он пошел, чтобы добраться до нее? Могла ли она продолжать работать на мистера Уоррена в относительной безопасности, в относительном спокойствии, рассказав ему все, что успела узнать? Нет, об этом не могло быть и речи. Дарлинг тут же выдаст ее, и она станет бесполезной для всех. Возможно, мистер Уоррен отправит ее работать в «Рассвет» – туда, где она еще сможет принести ему денег. Об этом Уинифред подумала с содроганием.

Как ни посмотри, она в тупике. И все из-за этого чертова

письма! Лучше бы она просто выполняла свою работу и не пыталась прыгнуть выше головы. Ее хозяин – не тот человек, перед кем можно выслужиться.

В тайнике хранить письмо она не станет – он надежен только тогда, когда его не ищут всерьез. Если у мистера Уоррена появится повод сомневаться в ее честности, он обыщет все. Кроме, пожалуй...

Уинифред сложила лист еще вдвое и сунула его под подвязку на бедре – после бала она не сняла чулки. Убедившись, что письмо не выпадет, Уинифред рухнула в постель. Матрас тихо и жалобно всхлипнул, когда она повернулась, чтобы накрыться тонким шерстяным одеялом.

О том, что делать, у нее было время подумать – до самого утра.

* * *

Лондон, 1847

Спотыкаясь, Мэри шла за мужчиной, который волочил ее за собой, держа за руку. Она плакала, но боялась кричать, и слезы просто стекали горячими грязными ручейками у нее по лицу и капали с подбородка.

На улицах было ужасно. Мэри провела в Ист-Эндском глухом проулке всего три ночи, но этого было достаточно, чтобы понять: лучше смерть, чем такая жизнь. За мужчиной,

который вдруг схватил ее и поволок за собой, она следовала, практически не сопротивляясь. У него была грубая, но чистая и полная рука. Мэри лишь надеялась, что ее накормят.

Мужчина привел ее в странное здание – темное и душное, с плотно занавешенными окнами. Пахло чем-то горьковато-сладким, чему Мэри дать название не могла, запах душил ее и щекотал нос. А еще здесь было много женщин – красивых и плохо одетых. Платья странно на них сидели и чересчур открывали тела. Мэри пожалела бедняжек.

Ее повели дальше. Одни женщины не обращали на нее внимания, другие смотрели грустно и качали головами. Мэри не знала, что это за место, но ей здесь ужасно не понравилось. Она хотела потянуть за руку человека, который ее вел, попросить воды, но мужчина вдруг остановился и, постучавшись, открыл дверь.

Мэри шагнула было внутрь, но мужчина так сильно оттолкнул ее назад, что она едва не взвизгнула от боли. Сам он тоже остался в коридоре. За столом в комнате сидел человек чуть старше ее отца и намного крупнее, жилистый и высокий. Подняв голову и окинув взглядом Мэри, он с раздражением бросил мужчине, который привел ее:

– Бога ради, Гиббс! Слишком маленькая! Не отвлекай!

Он вновь опустил глаза. Мужчина непроизвольно сжал руку Мэри. Она хотела ойкнуть, но ей было слишком страшно.

– Господин Уоррен, она... Она очень смышленная. Я ви-

дел, как она выживает на улицах – эта девочка очень далеко пойдет. Возможно, она подойдет для другого вашего...

Это была ложь. Мэри с удивлением посмотрела на мужчину, и тот поспешно выпустил ее руку. Зачем он солгал? Он никогда не видел ее раньше. Да и что такого смышленного она могла делать на улицах? Свернуться калачиком на сырой тряпке в подворотне, тихо скуля от голода и холода?

Но на человека за столом его слова произвели эффект. Он отложил перо и в упор уставился на Мэри. В комнате были зашторены окна, и свет давали только тусклые жировые свечи, извивающиеся черными язычками огня. Лицо мужчины показалось Мэри очень, очень жестоким.

– Как тебя зовут, девочка?

Мэри опешила. Зачем этому человеку ее имя?

Ей не хотелось называть ему свое настоящее имя. Оно было скучным и простым, а ей хотелось иметь особенное. Ей хотелось, чтобы этот человек не разочаровался в том, что обратил на нее внимание. Поэтому она выпалила первое, что пришло ей на ум, – имя прекрасной принцессы из сказки, которую ей с сестрами рассказывала мать:

– Уинифред.

Человек за столом не улыбнулся.

– Первое: ты должна относиться ко мне с уважением. Тебе надлежит обращаться ко мне «сэр». «Уинифред, сэр». Поняла?

Уинифред кивнула и тут же исправилась.

– Да, сэр.

Он удовлетворенно прищурился.

– Второе: ты соврала. Знаешь, как я это понял? Лгуны не смотрят собеседнику в лицо. Их глаза бегают, потому что в них можно прочесть правду. Теперь соври мне так, чтобы я поверил. Как тебя зовут?

– Уинифред, сэр, – твердо произнесла она, не отрывая взгляда от водянисто-серых глаз господина.

Тот растянул губы в подобии улыбки. Она скорее назвала бы это оскалом.

– Прилично. Подойди ближе.

Уинифред подошла. Господин вытащил из ящика стола лист бумаги и окунул перо в чернила. Он долго что-то писал, а она не смела даже шевельнуться. У нее было чувство, что этот человек не любит, когда его дергают.

Наконец он закончил, вновь обмакнул перо в грязную чернильницу, а затем протянул его Уинифред. Она взяла перо, стараясь не испачкать руку господина своей – по выражению его лица она догадалась, что ему были бы неприятны ее прикосновения. Она крепко зажала перо в кулаке и стала ждать его указаний.

– Моя фамилия Уоррен. Я могу научить тебя лгать. Это очень полезно, ты и сама теперь это знаешь. – Господин усмехнулся. – Я могу научить тебя и многому другому. Я также дам тебе еду, крышу над головой, а потом даже стану платить небольшое жалованье. Ты хочешь этого?

Она подумала о воде, и у нее пересохло во рту. Сейчас за стакан воды она бы сделала все что угодно.

– Да, сэр, – хрипло ответила она.

– Тебе придется выполнять кое-какую работу для меня. – Мистер Уоррен подвинул к Уинифред лист бумаги. – Распишись здесь, если хочешь этого.

О, она хотела, и даже очень! Она может получить кров и пищу, всего лишь поставив закорючку на какой-то бумажке?

Она знала, как пишется ее имя, но теперь у нее было другое. Поэтому она, поудобнее перехватив перо в кулаке, просто поставила на листе кривую черточку в том месте, на которое указал ей господин. Робей, Уинифред положила перо на лист с подсыхающими чернилами и сделала шаг назад.

Мистер Уоррен удовлетворенно осмотрел лист и спрятал его в ящик стола.

– Ты благоразумная девочка, Уинифред... Винни. – Он прокатил ее новое имя на языке, и ей стало не по себе. – Уверяю тебя, ты будешь мне благодарна.

Благодарность – так мистер Уоррен назвал ее рабство, в которое она отдала себя по доброй воле.

* * *

Лондон, 1857

Уинифред оделась с первыми лучами солнца.

Всю ночь она не спала, а урывками дремала. Когда она вынырнула из очередного сна, содержание которого не могла вспомнить, решение пришло само собой: чтобы выжить, ей придется лгать обоим.

Грубая выстиранная ткань ощущалась на коже совсем не так, как вчерашние шелк и газ. Уинифред аккуратно сложила бальное платье, с сожалением проведя пальцами по вышивке и мягким кружевам. Боуди вернет его в лавку. Мистер Уоррен никогда в жизни не потратится на выходной туалет, если его можно одолжить.

Он никогда и нигде не упускал возможности выгадать лишний шиллинг. Не упустит и сейчас. Именно поэтому Уинифред расскажет ему обо всем, что произошло, кроме того, что письмо у нее. Узнай мистер Уоррен об этом, он непременно пожелает им воспользоваться. А его внезапное обогащение может натолкнуть Дарлинга на кое-какие мысли.

Зато она будет предельно откровенна в остальном. Ее хозяйин узнает о предателе в своих рядах, о Дарлинге и о его предложении. Уинифред хорошо знала мистера Уоррена и не сомневалась: он захочет, чтобы она вошла к юноше в доверие, выведала, кто он такой и что ему нужно. Этот идиот непременно ей доверится, если она отдаст ему письмо и найдет нужный подход. Уинифред заметила, как юноша смотрел на нее прошлой ночью. Влюбить его в себя будет проще простого. А потом она предоставит мистеру Уоррену разбираться с соперником единолично. Жестоко, но что поделать

– только так она сохранит и работу, и жизнь.

Письмо, как и вчера, плотно прилегало к бедру. Ноги ныли и кровоточили от новых туфель, стиснув зубы, Уинифред перевязала натертые пальцы тряпкой. Сбрызнув лицо ледяной водой, она забрала из тайника печать и сунула ее в карман легкой накидки – лето в этом году запаздывало. Ей предстояла долгая прогулка.

Лондон пробудился ото сна. Выглянули прачки, вывешивая свежее белье; высыпали на улицы торговки, кухарки, посыльные. Потом по мостовым загрохотали экипажи, и любезные утренние приветствия сменились крикливой руганью. Не успела Уинифред дойти до границы лондонского Сити, как разошлись церковные колокола и заводские свистки.

Здание офиса мистера Уоррена на Грешам-стрит выглядело так же, как и остальные дома в этом районе: высокое и строгое, с большими стеклянными окнами, отражающими тусклое солнце. Отличие этого места от грязного темного кабинета в «Рассвете» было до смешного очевидным. Там собирались самые низкие, самые порочные торговцы телом, опиумом, оружием и информацией. А здесь курили дорогой табак и спорили о политике и покупке акций.

Коротко кивнув швейцару и не волнуясь, узнал он ее или нет, Уинифред прошла прямо к кабинету на первом этаже и постучалась. Дождавшись приглашения, она вошла.

Внутри было чисто и светло. Шкафы из красного дерева аккуратно заставлены папками и коробками, сиденья стульев

обиты зеленой тканью, стол чисто вымыт и почти пуст. Дешевые свечи и плотно занавешенные окна не подошли бы этому месту, поэтому мистер Уоррен предпочитал обходиться здесь без них. На Грешам-стрит он приходил каждый четверг, чтобы разгрести дела, письма, новости и документы, скопившиеся за неделю.

Закрыв дверь, Уинифред присела в книксене. Мистер Уоррен даже не взглянул на нее. Он подписывал бумаги с пугающей скоростью, откладывая листы один за другим, не давая даже просохнуть чернилам. Кончики его пальцев были густо измазаны, он оставлял на бумагах черные отпечатки.

– Я очень занят, Винни, – глухо произнес он, откладывая очередной лист. – Давай печать.

Уинифред торопливо выложила перед ним на стол печать лорда Уилкиса. Краем глаза она глянула на бумаги. Похоже, мистер Уоррен собирался приобрести кое-какую недвижимость в Сохо. Наверняка открывает очередной публичный дом.

Если он назовет его «Закат», она бросится в Темзу вниз головой.

Мистер Уоррен ни знаком, ни словом не дал понять, что увидел печать. Но она знала, что он ее увидел, поэтому быстро произнесла:

– Письмо, которое вам необходимо, находится в распоряжении лорда Уилкиса. Однако на балу прошел слух, что оно уничтожено, сэр.

Уинифред долго раздумывала, стоит ли говорить мистери Уоррену, что виконт сжег письмо. Если она солжет, то уже не сможет выкрутиться. И все же она решила рискнуть – так, по крайней мере, она проявит себя осведомленной шпионкой. Гость лорда Уилкиса непременно пустит об этом слух. Лучше он узнает сейчас от нее, чем потом от кого-то другого. Да и чем меньше людей думает, что письмо еще можно достать, тем лучше.

Это заинтересовало мистера Уоррена. Он не поднял головы, но застыл и перестал писать.

– Уничтожено? Кем?

– Лордом Уилкисом, сэр. Говорят, он сжег его у себя в кабинете. Впрочем, пока это просто слухи.

– Проклятье!

Мистер Уоррен никогда не стеснял себя в выражениях. Уинифред, подобравшись, ждала. Она хорошо знала своего хозяина – когда что-нибудь шло не по плану, ему лучше было не попадаться под горячую руку. Она выучила это трудным путем – ценой шрама на внутренней стороне предплечья, там, где он прижег ее кожу раскаленной кочергой. От воспоминания шрам кольнуло, и Уинифред подавила желание дотронуться до него.

– От кого ты это слышала? – наконец спросил мистер Уоррен.

– От какого-то юного джентльмена, сэр, – соврала она. – Меня ему не представили. Похоже, он хороший друг мистера

Дейли, сэр.

Мужчина едва заметно сощурился и наклонил голову, демонстрируя безразличие.

– Отдала послание?

– Да, сэр.

– Умница. Вот и дело с концом, – пробормотал мистер Уоррен и еле слышно добавил: – Будь проклят его длинный нос!

Неужели мистер Дейли шантажировал ее хозяина? Возвращать долг за услугу мистер Уоррен не стал бы – честь его не заботила. Значит, этот великосветский джентльмен с фиолетовым галстуком имел на ее хозяина нечто настолько весомое, что он посчитал нужным отправить ему предупреждение. Настолько весомое, что он не хотел, чтобы об этом знала Уинифред, поэтому и не назвал ей имени мистера Дейли.

Стареющее лицо мистера Уоррена покраснелось от гнева, но больше ничто не выражало его внутреннюю ярость. Он глубоко выдохнул и снова обмакнул перо.

– Как вчера вела себя эта кошелка, Эмили?

Прежде мистер Уоррен не обсуждал с ней другую свою шпионку – не хотел подстегивать конкуренцию между ними. Но теперь он будто нарочно возвышал Уинифред, подначивая ее сказать что-нибудь про мисс Гэмпстон.

– Без нареканий, сэр, – осторожно отозвалась она.

– Вот как? – Мужчина откинулся в кресле, вертя в пальцах

перо. – Подумывал было избавиться от нее. Пользы от нее – на грош. Кроме тебя, мне никто не нужен, Винни.

Уинифред польщенно улыбнулась и склонила голову, пряча ужас в глазах. Мистер Уоррен так легко говорил об убийстве собственной шпионки, словно речь шла о счете от прачки.

Может, через пару лет он скажет так про нее саму.

С пронзительной ясностью Уинифред поняла, что ошиблась. Она поставила не на того. Самонадеянно было полагать, что она всегда будет ему нужна, а инцидент с Дарлингом только подпортит ей репутацию в глазах хозяина. Она думала, что ей не выстоять против мистера Уоррена? А кто сказал, что она выстоит *вместе с ним*?

Но Уинифред пока ни в чем не стала признаваться мистру Уоррену. Еще не поздно все переиграть. Если ей предлагают золотую клетку взамен железной, Уинифред остается только поудобнее устроиться на жердочке и ждать, когда дверца распахнется.

– Благодарю вас, сэр, – смиренно произнесла она, подпустив в голос самодовольства. – Но думаю, мисс Гэмпстон еще может вам пригодиться.

– Ты так считаешь? – Мистер Уоррен поудобнее уселся и вновь подтянул к себе бумаги. – Что ж, пожалуй, избавиться от нее мы всегда успеем, так ведь? Ну, иди. Послезавтра у тебя будет небольшое задание. Жду тебя в четыре.

– Хорошо, сэр. – Уинифред остановилась на пороге и сжа-

ла дверную ручку. – Сэр? Что мне делать с золотыми шпильками? Тоже отдать Боуди?

Мистер Уоррен с раздражением махнул рукой.

– Ради бога, Винни, оставь себе. Они все равно фальшивые.

Сглотнув горечь во рту, Уинифред изобразила легкую улыбку.

– Благодарю, сэр.

Глава 5

Чаепития и неустойки

Платье из дешевой ткани уступало изысканным туалетам светских леди, зато было отлично подогнано по фигуре, выгодно оттеняло белокурые волосы и подчеркивало синеву глаз. Огибая лужи по дороге до района Мейфэр, Уинифред прилежнее обычного поднимала подол, чтобы ненароком его не замочить – может, на улице на нее никто и не обратил бы внимания, а вот в офисе Дарлинга – еще как.

Адрес на визитной карточке привел ее на красивую улицу. Такую изысканно тихую, что не оставалось никаких сомнений – такую тишину могут себе позволить только очень богатые люди. Перейдя через дорогу, Уинифред наклонила голову, чтобы поправить шляпку и разгладить юбку, а когда подняла глаза, ей едва удалось подавить удивленный вздох.

Небольшой, но чистый и с безупречным вкусом отделанный двухэтажный дом на Керзон-стрит был совсем не похож на офисное здание. Белые мраморные ступени были чисто вымыты, несмотря на недавно прошедший дождь. По парапетам змеилась белая кружевная резьба, потемневшая от времени, но все еще прекрасная. Возле входа зеленели кусты самшита идеальной прямоугольной формы, в маленьких клумбах стрелами неслись ввысь туберозы на изящных ухо-

женных стеблях. Рядом с ними покачивалась на ветру одна-единственная розовая головка китайской астры. Это явно был дом состоятельного человека.

У Уинифред появился тонкий металлический привкус во рту, будто она до крови прикусила язык или положила на него чистенький пенни. Неужели мистер Дарлинг настолько богат, что ему по карману держать офис в столь уважаемом районе? Или настолько туп, что дал ей свой настоящий адрес?

Не торопясь, Уинифред поднялась по ступеням, выпрямив спину и задрвав подбородок. Ей нравилось думать, что в этот момент кто-то смотрит на нее, входящую в роскошный дом, и что она выглядит так, будто имеет на это право. Но она ни разу не обернулась посмотреть, поймала ли ее фигурка в темно-синем платье чей-нибудь взгляд.

Оставив на ступенях грязные следы, она остановилась у входа и дважды с силой опустила дверной молоток в виде львиной головы. Ее ждали – почти сразу же дверь распахнулась, и на пороге показался немолодой дворецкий с приветливым, но отстраненным лицом. Уинифред стиснула губы, когда его взгляд быстро скользнул по ее одежде. Обычный человек ничего бы не заметил, но у нее глаз был наметан на подобные мелочи. И ей не понравилось, что какой-то слуга рассматривает ее, как побирающуюся нищенку.

– Добрый день, мисс. Чем могу быть вам полезен? – учтиво поинтересовался старик.

Он оставил дверь открытой и сложил за спиной руки в ослепительно-белых перчатках.

– Добрый день. У меня назначена встреча с мистером Дарлингом, – холодно ответила Уинифред.

За оценивающий взгляд она определила дворецкого в перечень людей, напрасно подвергающих сомнению ее компетентность. Этот старый черт ведь отлично знает, кто она и к кому пришла.

– Мисс Бейл, я полагаю? – уточнил он, слегка приподняв брови. – Прошу вас, прохо...

– Уинифред, это вы?

Дарлинг потеснил своего дворецкого. Юноша был без сюртука, в сорочке без воротничка и в светло-розовом, полностью расстегнутом жилете. Глаза его сияли. Он даже больший идиот, чем его старикашка дворецкий. Уинифред уже порядком надоело стоять на пороге. Ей захотелось демонстративно растолкать обоих локтями и протиснуться в дом.

– Мистер Дарлинг, – чопорно поздоровалась она.

Дворецкий кашлянул. По тому, как он покосился на Дарлинга, Уинифред поняла, что ему неловко.

– Прошу вас, проходите, мисс Бейл, – пригласил он.

Дарлинг порозовел и подвинулся, давая Уинифред войти. Дворецкий молча запер дверь, повернулся и выжидательно поглядел на своего хозяина.

Внутри дом был так же красив, как и снаружи, обжит и дорого, со вкусом обставлен. Пол в широкой прихожей усти-

лали красно-коричневые ковры, белые балюстрады на лестницах уводили высоко вверх, а в окна были вставлены причудливые, светлые и изящные витражи.

Уинифред ни единым движением не выдала, что красота дома произвела впечатление на нее. Она чинно сложила руки и принялась ждать, когда кто-нибудь – хозяин или дворецкий – заговорит.

– У нас неотложные дела, мисс Бейл! – произнес Дарлинг таким торжественным тоном, будто собрался взять ее не на работу, а в жены, и разве что не приплясывал от радости. – Миллард, пожалуйста, попросите Габи подать чай в Малый кабинет... Или нет, лучше попросите Лауру, если она не занята. Ох, или не чай?.. Мисс Бейл, что вы предпочитаете?

Уинифред хотела попросить горячий шоколад, которого не пила уже целую вечность, но вместо этого уронила:

– Чай подойдет, благодарю.

Дарлинг повел ее в левое крыло дома. Он был по-домашнему небрежно одет и взъерошен: черные локоны свободно спадали на лоб, а закатанные рукава сорочки обнажали изящные худые запястья. Уинифред отвела от него взгляд.

По короткому светлому коридору они прошли к кабинету. Дарлинг пригласил ее войти, и Уинифред, шагнув через порог, уловила исходящий от его одежды запах полевой травы и совсем чуть-чуть – вчерашней гардении. Юноша закрыл за ними дверь, и она огляделась.

Малый кабинет оправдывал свое название – он действи-

тельно был небольшим. Шкафы со стеклянными дверцами были заставлены книгами. На столе, придвинутом к окну с гардинами из органзы, громоздились кипы документов. Какие-то были рассортированы по ящикам и конвертам, какие-то – разбросаны в беспорядке. На столе и на комоду у входа стояли лампы с абажурами из плотной ткани в цветочек и крошечные вазочки с кореопсисами, белыми фиалками и алой геранью. На стенах, оклеенных старыми голубыми обоями, там, где бумага не выгорела, виднелись яркие прямоугольные пятна – похоже, недавно со стен сняли картины.

Дарлинг придвинул к ней кресло. На деревянном столике с отпечатками кругов от кружек рядом с надкушенным тминным кексом и чашкой чая лежала книга. Уинифред без интереса скользнула взглядом по обложке, присела и чуть не утонула в мягких подушках. Сам юноша сел напротив, как той ночью, в доме лорда Уилкиса. Заметив, куда она смотрит, Дарлинг смущенно кашлянул.

– Вам по душе мой офис?

– Выглядит очень обжитым, – сухо заметила Уинифред. – Никогда не видела, чтобы в офисе держали дворецкого.

– Так я ведь... ведь я же здесь живу, – пробормотал Дарлинг. – Потому и... дворецкий...

– Выходит, это ваш дом, а не офис? – безжалостно поинтересовалась она.

– Да, но...

– Стало быть, любой знакомый мистера Дарлинга может

наведаться в ваш замечательный домик на Керзон-стрит и обнаружить здесь *меня*?

Дарлинг залился краской, стискивая пальцы. Кажется, он пожалел, что вообще решил задать этот вопрос.

– Я решу эту проблему, – робко пообещал он. – Уинифред... мисс Бейл, вы... вы ведь согласны выполнить свою часть сделки?

Пальцы Уинифред крепче стиснули ридикюль, куда она заблаговременно переложила письмо.

– Я не собираюсь ничего подписывать, пока мой контракт с мистером Уорреном не превратится в ключья, – отрезала она.

Дарлинг подскочил и сцапал со стола желтый лист бумаги. Когда он протянул его Уинифред, у нее екнуло сердце. Одной рукой стиснув ридикюль, другой она выхватила у юноши собственный контракт. Это точно был он. Бумага, пожелтевшая от времени, была плотной и жесткой. Черные скошенные буквы, принадлежавшие перу мистера Уоррена, складывались в ровные строчки условий договора. Уинифред, не удержавшись, пробежалась по ним глазами. *«Беспрекословное подчинение приказам...», «...в срок достижения обоюдного согласия расторжения данного договора...»*

Ее замутило.

Взгляд Уинифред скользнул к собственной подписи – к кривой линии. Без сомнения, это была ее рука.

Она подняла взгляд на Дарлинга.

– Как вы его достали? – глухо спросила она и подняла руку с зажатым в ней договором.

Дарлинг вытянул ноги и без тени бахвальства произнес:

– Мой человек его выкрал. Он знает, где мистер Уоррен хранит самые важные документы, и выкрал оттуда несколько любопытных экземпляров. Уверяю, ваша бумажка – самая ценная.

Он кивнул подбородком на стопку бумаг на столе. Уинифред, округлив глаза, уставилась на Дарлинга.

– Вы выкрали их? Все эти документы?

От удивления она даже забыла спросить, кто именно предал мистера Уоррена.

В этот раз Дарлинг, должно быть, подумал, что Уинифред удивлена его сноровкой. Сложив руки за головой, он хвастливо подтвердил:

– Все до единого. Обчистил дочиста.

– Идиот! – вырвалось у Уинифред, и Дарлинг удивленно захлопнул рот. – О, какой же вы идиот! Вы думаете, мистер Уоррен не заметит пропажи полусотни документов, в том числе и моего контракта? Да он поднимет на уши весь Лондон!

Лицо Дарлинга вытянулось.

– И что с того, что он узнает? – тупо переспросил он.

– Он откроет охоту на меня! – завопила Уинифред, не сдерживая злости. Она вскочила с кресла и теперь возвышалась над Дарлингом на добрых два фута. – Вы же понимае-

те, что я не смогу на вас работать, если буду *мертва*? Будьте уверены, мой труп найдут в Темзе вечером того же дня, когда мистер Уоррен обнаружит, что кто-то обчистил его архив!

На последних словах она даже топнула ногой. Молодой человек открыл рот и снова его захлопнул, не решившись ничего сказать. Все еще кипя от гнева, Уинифред снова села. Ее душило предчувствие погони, страшное, мерзкое ощущение. Он не должен узнать о пропаже. Этот идиот все испортил. Что же делать? Что же, что же...

– Так я просто подменю все документы на копии, – выпалил он.

Уинифред застыла, и Дарлинг приободрился.

– Да, просто заменю все на копии. Это будут хорошие копии, будьте покойны, до нужного времени он ничего не заметит... Ах, какая же прекрасная мысль, Уинифред! Идею с копиями я у вас почерпнул. Вы просто гений, честное слово.

Он что, издевается?

– Копии? – процедила Уинифред. – И как же вы намерены это осуществить, мистер Дарлинг?

Она очень постаралась, чтобы «мистер Дарлинг» из ее уст прозвучало как «пустоголовый идиот».

Дарлинг окончательно оправился. Из его позы ушло напряжение, складки на лбу разгладились. Он был так поглощен новыми планами, что, казалось, вовсе забыл про Уинифред.

– Завтра же подложу копии вместо оригинальных бумаг...

А знаете, что, Уинифред? Вы их и подложите. Это будет ваше первое задание.

Она нахмурилась, невольно сминая край своего договора в кулаке.

– Хватит с меня и того, что мне придется притворяться, что я все еще работаю на него, – отрезала она. – Пошлите кого-нибудь другого, раз уж вы вхожи в святая святых господина Уоррена!

Внутренне она сжалась. Пробуя границы дозволенного с Дарлингом, Уинифред прекрасно понимала, что уже зашла слишком далеко. Она ожидала, что сейчас он рывкнет на нее, поставит на место, но юноша всего лишь отвернулся и негромко попросил:

– Лучше вас никого нет. Я бы хотел, чтобы это сделали вы.

Уинифред расправила плечи, почувствовав неловкость. Ей бы торжествовать, что этот идиот у нее под каблуком, но ощущение было скорее такое, будто она пнула котенка.

– Я предпочла бы свести к минимуму эти визиты, – призналась она, скрывая смятение.

Дарлинг кивнул и поднялся. На его лице больше не блуждала идиотская улыбка. У него вообще сейчас было непривычно серьезное выражение лица. Юноша прошел к письменному столу, заваленному бумагами, и, приглашая ее, выдвинул кресло. Уинифред пересела, не разгибая спины. Ее разбирало любопытство: почему он вдруг стал так молчалив? Сам Дарлинг сел за стол – на миленькое кресло около

окна.

Вся мебель в этом кабинете была старомодной, но баснословно дорогой – Уинифред никогда не видела, чтобы простые кресла в кабинете украшала золотая вышивка с купидонами. Ей захотелось спросить, кто обустроивал кабинет, но она побоялась показаться чересчур заинтересованной. Она украдкой ковырнула ногтем лакированное дерево.

Дарлинг выдвинул ящик и достал оттуда лист бумаги, очень похожий на ее прошлый договор. Уинифред почувствовала ком в груди и сделала глубокий вдох. Один год. До тех пор, пока она не накопит денег, чтобы покинуть Лондон и больше никогда не слышать *его* имени. Или пока Дарлинг со своей юной империей не свергнет нынешнего короля.

Он молча протянул ей лист, и Уинифред, положив на колени свой ридикюль и старый контракт, взяла в руки новый. Он был составлен очень аккуратно, совсем не так, как тот, который она подписала десять лет назад. И читать она теперь тоже умела.

Уинифред внимательно изучила написанное, подвоха в формулировках не нашла. Дарлинг обещал ей практически полную свободу действий при условии, что она беспрекословно выполнит любой его приказ. Предусматривалось и расторжение договора в одностороннем порядке – конечно, при условии выплаты чудовищной неустойки. Уинифред не стала задерживаться на этом пункте и просто пробежалась по нему взглядом.

У нее перехватило дыхание, когда она увидела назначенное себе ежемесячное жалование. Почти в два раза больше того, что она получала за год у мистера Уоррена!

Уинифред взглянула на Дарлинга, ожидая увидеть насмешливую или торжествующую улыбку, но выражение его лица было пустым. А когда на лице Дарлинга не отражалась каждая его эмоция и мысль, оно казалось потемневшим и словно замутненным.

Помедлив, она взялась за перо и поставила подпись. Подсыхающие чернила были синие, а строчки договора – черные. Не понимая, что ею руководит, Уинифред вдруг протянула Дарлингу руку через стол. Он удивленно моргнул, но принял ее ладонь и мягко пожал. На его лицо вернулась смущенная улыбка, и Уинифред почувствовала неясное облегчение.

– Я очень рад, что вы согласились со мной сотрудничать, Уинифред.

Она не ответила и опустила руку. Дарлинг неловко устоялся на договор, лежащий перед ней, явно не понимая, оставить его или забрать у нее из-под носа.

В дверь постучали, и они оба вскинулись, как две молодые лани. Уинифред окончательно смяла в ладони лист, а молодой человек вскочил и стал неловко переминаться с ноги на ногу. Глупо, но она почувствовала, будто кто-то прервал интимный момент. И кто бы это ни был, она была ему благодарна.

– Войдите! – разрешил Дарлинг.

Уинифред повернулась к двери. В кабинет вошла девочка лет четырнадцати. У нее было уставшее, даже изможденное худое лицо со впалыми щеками и острым носиком. Горничная была худенькая и невысокая, длинные темные волосы заплетены в косу, раскосые карие глаза с залегшими под ними тенями глядели на Уинифред с настороженной робостью. На подносе она несла крошечный белый чайник и такие же чашки. Не решаясь пройти дальше, она застыла на пороге.

– Заходи! – рассмеялся Дарлинг.

Горничная несмело прошла в кабинет, поставила медный поднос на стол и принялась разливать чай.

– Спасибо, Лаура, – поблагодарил ее юноша и ослепительно улыбнулся. – Чай пахнет просто восхитительно!

Уинифред принялась к тонкой струйке ароматного пара, бегущего из носика чайника. Это оказался травяной сбор из лемонграсса, чабреца и мяты. Похожий аромат исходил от одежды Дарлинга. Она бросила на него короткий взгляд, но промолчала.

Дарлинг снова сел, и Лаура обеими руками подала чай сначала ему, потом Уинифред. Она приняла из рук горничной обжигающую чашечку и незаметно размяла пальцы, чтобы остудить их.

Лаура присела в книксене и хотела было уйти, но Дарлинг остановил ее:

– Постой. Мисс Бейл, позвольте вам представить Лауру,

мою экономку и незаменимую помощницу.

Он проговорил это с легким недоумением, будто задавал вопрос, и Уинифред стало смешно. Она протянула девочке свою узкую ладонь, и та, присев, коротко пожала ее.

– Лаура, это мисс Бейл. Ты наверняка про нее слышала. Теперь она будет работать с нами.

– Это честь, – прошептала Лаура.

Уинифред почувствовала прилив гордости и за эту гордость прониклась к девочке благосклонностью. Она повернулась к Дарлингу и задрала подбородок.

– Очаровательно. Лаура, чем ты занимаешься? – спросила она у девочки, не отводя взгляд от юноши – почему он назвал ее экономкой, если девочка разносит чай?

Как она и ожидала, за нее ответил Дарлинг:

– Лаура знает все секреты Лондона. Вы не представляете себе, Уини... мисс Бейл... Вы не представляете себе, мисс Бейл, сколько прислуга знает о своих хозяевах! И сколько они могут рассказать Лауре!

– Это разумно, – неохотно признала Уинифред и поставила нетронутую чашку на стол, стараясь не пролить ни капли на разбросанные повсюду бумаги. – Слуги и правда зачастую знают о хозяевах больше их самих.

Лаура смущенно потупилась, и Дарлинг улыбнулся ей теплой мальчишеской улыбкой, удивительно шедшей его идиотской физиономии.

– Спасибо за чай, Лаура. Можешь идти. Зайди, пожалуй-

ста, со своим набором после ухода мисс Бейл.

Лаура, снова коротко присев, выскочила за дверь. У нее были рваные, стремительные движения, как у петляющего зайца. Девочка была не так проста, как казалось.

Уинифред осенило. Она провела ногтем по краю чашки, и фарфор запел.

– Ваш человек у мистера Уоррена – это кто-то из прислуги?

– Нет... Точнее... да, прислуга тоже.

– Тогда это мисс Гэмпстон.

Дарлинг удивленно вскинул брови.

– Верно. Как вы поняли?

Значит, она. Уинифред не почувствовала ни досады, ни облегчения от того, что мисс Гэмпстон находилась в таком же положении, как и она. Но то, что догадка оказалась верной, принесло ей удовлетворение.

– Раз не прислуга, значит, она. – Уинифред снова тронула пальцами горячую чашку – в кабинете становилось прохладно для ее крепового платья. – Она знала про фиолетовый галстук и бал, но не знала пароля – это была наша с мистером Уорреном предосторожность. Впрочем, про галстук мог подслушать кто-нибудь из прислуги – мистер Уоррен скуп, и вам не составило бы труда переманить любого из них на свою сторону. Но раз не прислуга, значит, мисс Гэмпстон, смелости хватило бы лишь у нее. Любопытно.

Уинифред подняла голову и встретила восхищенный

взгляд Дарлинга. Ей стало неловко. Юноша открыл рот, чтобы что-то сказать, но она торопливо перебила его:

– Вы хотите получить ваше письмо, мистер Дарлинг?

Он моргнул, и восхищенное выражение смазлось.

– Да... конечно. Конечно, мисс Бейл, – пробормотал он.

Уинифред раскрыла ридикюль. Отыскать письмо было нетрудно – помимо него, там лежали только набор отмычек и пузырек спирта для обработки ран. Не совсем стандартный набор для юной леди, но эти вещицы выручали ее гораздо чаще, чем платки и нюхательные соли.

Она протянула Дарлингу письмо, но он не стал его читать, а просто положил лист к кипе других. Уинифред окаменела и до боли стиснула пальцы. И вот из-за этого клочка бумаги она рисковала своей жизнью!

– Я сейчас же займусь копиями, – пообещал Дарлинг, грудью навалившись на стол. – Буду ждать вас завтра с утра. В одиннадцать. Вы же сможете?.. То есть... Приходите в одиннадцать, пожалуйста.

Прощание вышло скомканным. Кажется, юноша тут же принялся строчить кому-то письмо. Уинифред, оглядев стопку документов, украденных у мистера Уоррена, мысленно поблагодарила Бога за то, что Дарлинг не заставил ее копировать их самостоятельно.

Разорвав старый договор на четыре части, Уинифред оставила обрывки на чайном столике. Дарлингу придется повозиться с копией.

Чтобы вернуться в «Рассвет», он предложил ей взять кучера. Ожидая, пока запрягут лошадей, она осматривала холл. Мраморный пол был выскоблен до блеска; Уинифред представила, как скользили бы по такому полу туфли во время танца, и ей нестерпимо захотелось на бал. На настоящий бал. Не ради задания, а ради развлечения. В своем платье, а не в чужом, пусть и прекрасном.

Развернувшись на пятках в имитации бальной фигуры, Уинифред оказалась лицом к лестнице и встретила взглядом с Лаурой. Девочка двигалась так бесшумно, что если бы Уинифред не повернулась, то даже не заметила бы ее. Лаура широко раскрыла глаза. Она только что спустилась. В руках вместо маленького медного подноса она держала несколько склянок разноцветных чернил, деревянную лакированную палитру и стопку желтоватых листов веленовой бумаги. Похоже, она займется копированием вместе с Дарлингом. Уинифред заметила, что Лаура сняла чепец и распустила жесткие густые волосы, и теперь они смоляным водопадом струились у нее по спине.

– Мисс Бейл, – присела девочка, и Уинифред благосклонно ей улыбнулась.

– Лаура. Спасибо за чай, он был просто превосходен, – соврала она, ведь не сделала и глотка.

Ей хотелось расположить к себе девочку – она могла оказаться незаменимым источником информации.

Лаура зарделась и поудобнее перехватила бумаги тонки-

ми, как у фарфоровой куклы, ручками.

– Благодарю вас, мисс. Травы для него собирались близ поместья мистера Дарлинга в Хартфордшире.

Хартфордшир, значит. Вот почему Уинифред слышала о Дарлингах, но никогда – о Теодоре. Должно быть, он приехал в Лондон не так давно.

– Вот как? – Уинифред улыбнулась и сымитировала интерес легким наклоном головы. – Я, кажется, почувствовала запах чабреца.

Лаура часто-часто закивала. Румянец на ее лице из смущенного превратился в восторженный. Когда на желтоватом, изможденном лице этой девочки появлялась краска, оно становилось даже... симпатичным. Уинифред стало любопытно, отчего Лаура выглядит так болезненно. Она перенесла хворь или голодала до недавних пор? Ей было сложно поверить, что Дарлинг стал бы морить голодом собственную прислугу.

– И чабрец, и мелисса, и вереск, мисс. Нам все травы привезли из Хэзервуд-хауса³.

– Вот как? – небрежно переспросила Уинифред. – Мистер Дарлинг сам привез, когда приехал в Лондон?

– Да, мисс, пару месяцев назад, – кивнула Лаура. – Простите, мне... нужно идти. Извините, мисс Бейл. До встречи.

– До встречи, Лаура, – попрощалась Уинифред.

Ткань светло-коричневого платья девочки была хуже, чем

³ Heather (англ.) – вереск.

у нее самой, и ей стало горько.

Хэзервуд-хаус... Дарлинг приехал в Лондон всего два месяца назад. Или вернулся? Дом явно принадлежал ему или его семье. Зачем он уезжал в Хартфордшир? Зачем приехал в Лондон? Где остальные Дарлинги?

По ее спине пробежал холодок. Уинифред почти ничего не знала о том, кто ее нанял. *Опять*. Но хуже то, что сам Дарлинг, кажется, знал о ней все.

Глава 6

Дети и их родители

Едва касаясь ногами деревянных ступеней шаткой наружной лестницы «Рассвета», Уинифред сбежала вниз. Ступеньки держались на честном слове, долго задерживаться на них было опасно. У черного хода никого не было, и она позволила себе отдышаться.

Прислонившись к балясине, она отряхнула платье. Уинифред надела вчерашнее – свое лучшее. Вчера вечером она с отчаянием убедилась, что весь ее немногочисленный гардероб усеян пятнами, прожженными каминным огнем дырками или просто следами износа. Одно из поношенных платьев она попыталась починить, но только напрасно исколола себе пальцы иглой и окончательно испортила ткань, которая от ее стежков пошла складками.

Переведя дух, Уинифред завернула за угол и застыла: у обочины стоял запряженный двойкой экипаж Дарлинга. Заметив ее, кучер заулыбался, точно Уинифред была ему доброй подругой. Дарлинг послал за ней? Это было неожиданно... и глупо с его стороны. Но она не могла не признать, что также это было приятно – мистер Уоррен никогда не выделял ей дополнительных денег на поездки, что уж говорить о личных экипажах.

Она приблизилась к карете, и кучер, имени которого она не помнила, отвесил поклон.

– Доброе утро, мисс Бейл! – жизнерадостно приветствовал он Уинифред, подсаживая ее. – Хорошая сегодня погода!

– В следующий раз не ставьте экипаж так близко к «Рассвету», – сварливо отозвалась она.

Когда карета тронулась, Уинифред села поудобнее, не забываясь о том, ровная ли у нее спина, и задумалась.

Дарлинг идиот. Но, должно быть, что-то он делает правильно, иначе мистер Уоррен давно бы его вычислил. Юноше хватило сообразительности переманить слуг и близких шпионов на свою сторону – Уинифред была уверена, что, как и с ней, к каждому Дарлинг нашел подход. А о ней он, разумеется, все узнал от мисс Гэмпстон. Идиот он или нет, но у него должны быть свои цели, а о них Уинифред пока не знает ничего. Она с раздражением откинула завитую голову на бархатную подушку сиденья. Хватило же ума у этого франта выйти в свет под собственным именем! Теперь вокруг него и его дома-офиса будут ошиваться безумные мамы с дочерьми на выданье. Так он зарекомендует себя разве что как завидный жених, а не соперник мистера Уоррена. Но что же ему нужно? Он старый враг ее хозяина? Нет, для этого он слишком юн. К тому же что им делить? Самоуверенный богатый юнец, пытающийся свергнуть короля – уже больше похоже на правду. И звучит глупо, очень в его духе.

Уинифред застонала и несколько раз легонько стукнула головой о подушку. Ее раздражало, что деньги запросто достаются таким идиотам, как Дарлинг, а ведь они даже не умеют ими распорядиться! Сидят на золотых слитках, как собаки на сене, или тратят их направо и налево. Ей самой деньги приходится зарабатывать тяжелым трудом – не самая ужасная участь, если учитывать, что в работе у нее недостатка нет. Но как было бы приятно родиться в богатой семье и никогда не задумываться о деньгах!

Об этом Уинифред размышляла с тянущей, жадной тоской, рассматривая особняк Дарлинга через окошко экипажа. Она со злостью задернула бархатную шторку и распахнула дверцу.

Подав руку, кучер помог ей выбраться. На этот раз она хорошенько его рассмотрела. Это был высокий, крепко сложенный мужчина лет тридцати, с широкими плечами и массивным подбородком. Несмотря на квадратную челюсть и маленькие, глубоко посаженные глазки, выражение лица у него было дружелюбное и простодушное.

Наверняка он думает, что она любовница хозяина. От этой мысли Уинифред захотелось расхохотаться. Если бы Дарлинг каким-то чудом забрел в публичный дом, уже через пять минут проститутки выпроводили бы его, понятия не имея, что с ним делать.

Все еще пребывая в раздражении, Уинифред брезгливо забрала ладонь и не кивнула в благодарность улыбающемуся

кучеру. Все слуги Дарлинга были блаженными, как их хозяин.

Встретив Уинифред, Миллард сразу провел ее в Малый кабинет. Сегодня он был гораздо любезнее – принял ее плащ и даже попытался завязать беседу по пути, – но Уинифред не собиралась топить лед с этим мелочным дотошным старикашкой. На все вопросы она отвечала односложно и с подчеркнутой неприязнью, и вскоре Миллард оставил ее в покое. Постучав в дверь Малого кабинета, он поклонился и оставил Уинифред одну. Не дождавшись ответа, она толкнула дверь и вошла.

Дарлинг полулежал в низком кресле, вытянув длинные ноги. К груди он прижимал картонную папку, полную бумаг с разноцветными нитями вместо ярлыков. Его глаза были закрыты, а губы чуть разомкнуты. Он спал. Словно замороженная, Уинифред бесшумно закрыла дверь и подкралась поближе. Она никогда не видела спящих мужчин, кроме своего отца и братьев, и не подозревала, что во сне они выглядят так незащитно. Тяжелые кудри Дарлинга растрепались и торчали во все стороны. Это вкупе с приоткрытым ртом и расслабленным выражением лица делало его еще более уязвимым, чем обычно.

Уинифред устыдилась того, что подглядывает, и быстро выпрямилась, подавив глупое желание убрать прядь волос со лба юноши. Вместо этого она вернулась к двери, открыла ее и громко захлопнула. Дарлинг подскочил, чуть не опрокинув

ногой столик. Уинифред повернулась к нему, чинно сложив руки.

– Доброе утро, мистер Дарлинг.

Юноша, сонно моргнув, тупо пялился на нее несколько секунд, а затем вскочил. Его нога снова задела столик, и пустая чашка на нем со звоном перевернулась. Рядом с подносом лежала новая книга, Уинифред разглядела тисненное золотом название «Лирические баллады».

– Уинифред! Доброе утро. – Прищурившись, он бросил взгляд на часы, моргнул и снова уставился на нее. – Извините, я немного... не выспался. У мистера Уоррена чертовски... простите, *очень* много бумажек. Полагаю, он должен быть благодарен мне за избавление от них.

– Несомненно, – сухо согласилась Уинифред и добавила: – «Мисс Бейл», будьте добры.

Она заметила, что Дарлинг ругается очень неловко, будто не привык к этому. Зачем же он это делает? Пытается произвести на нее впечатление?

Обогнув старое кофейное пятно на ковре, Уинифред без приглашения села напротив юноши и взяла в руки первую попавшуюся подделку. Она оказалась хороша, нелегко было отличить эту копию от оригинала, не имея его. Уинифред неохотно признала:

– Отличная копия. Лаура вам помогала?

Дарлинг криво ухмыльнулся.

– Если под «помогала» вы имеете в виду «сделала всю ра-

боту за меня», то да, так и есть.

Где же Лаура выучилась так искусно копировать? У Уинифред на то, чтобы проделать такую работу, ушло бы несколько дней. А Лаура и Дарлинг управились за одну ночь.

Она положила подделку поверх остальных бумаг и деловито заметила:

– Чтобы пронести их в офис мистера Уоррена незаметно, мне придется их упаковать.

Дарлинг протер глаза, встал и лениво потянулся. Уинифред подумала, что сейчас он бросится упаковывать бумаги, но юноша рассеянно произнес, пальцами расчесывая спутанные локоны:

– Возьмите бумагу и бечевку в шкафу. Я скоро вернусь.

Юноша вышел из кабинета, и Уинифред ошеломленно посмотрела ему вслед. На секунду она забыла, что это он ее наниматель, а не наоборот. С мистером Уорреном у нее никогда не было проблем с подчинением и субординацией. Почему же с Дарлингом ей постоянно приходится напоминать себе, что она находится на услужении?

Скрипя зубами, Уинифред осмотрела шкафы и нашла рулон мягкой коричневой бумаги, в которой кухарки носят хлеб и сыр. Придирчиво изучив бумаги и разложив их на поддельные и подлинные, она завернула копии.

Она услышала, как Дарлинг вернулся, когда уже завязывала бечевкой аккуратный узел.

– Все упаковано, – произнесла Уинифред, поднялась с

низкого кресла и обернулась. – Когда мне...

Дарлинг сменил одежду. Накрахмаленная белая сорочка подчеркивала глубину темно-сиреневого оттенка шелкового жилета. В кармане сюртука поблескивала золотая цепочка часов. Напомаженные волосы больше не падали на лоб, а были уложены в аккуратную прическу, спрятанную под цилиндром. Уинифред не могла сказать, что она ему не идет, но...

Словом, спящим Дарлинг нравился ей куда больше.

Юноша взволнованно улыбнулся. Его густо-черные глаза сияли.

– Превосходно! Но прежде нам нужно кое-куда заскочить...

* * *

Слабое солнце подсветило облака и рассеяло мягкую золотую взвесь в воздухе. На Бонд-стрит сияли чистые стеклянные витрины и вывески модных ателье. Туда-сюда сновали улыбчивые молодые леди, прижимающие к груди шляпные картонки и свертки с новыми индийскими шальями.

Выйдя из кареты, Уинифред взволнованно разгладила платье. Она старалась не подавать вида, но сердце трепетало так, будто собиралось вот-вот вырваться из груди.

Привыкший к сдержанной роскоши модных улиц, а потому ничуть ею не тронутый, Дарлинг с нежной улыбкой поглаживал белый нос своего жеребца в упряжи. Когда они са-

дились в экипаж, юноша с присущей ему жизнерадостностью сообщил, что лошадей зовут Гелла и Фрикс.

– Вы разве не знаете, что мужское платье лучше заказывать на Сэвил-Роу? – спросила Уинифред Дарлинг.

Она прекрасно поняла, зачем он привез ее сюда, но все еще не могла в это поверить. Позволить себе обновку из ателье на Бонд-стрит она могла разве что в самых безумных и прекрасных мечтах.

Юноша с удивлением покосился на Уинифред.

– Зачем вам мужское платье?

Она не нашлась с ответом и многозначительно хмыкнула. Дарлинг предложил ей руку, и вместе они зашли в модный салон, рядом с вывеской которого красовалась гордая табличка «Только по записи».

В ателье было тихо и светло. Уинифред незаметно для себя выпустила локоть юноши, заглядевшись на прекрасные образцы тканей – бархат, тафта, шелк, батист, муслин, мур, – и опомнилась только тогда, когда заметила направленный на нее насмешливо-нежный взгляд Дарлинга. Она быстро отвернулась и приняла скучающий вид. Ей никогда еще не приходилось бывать в подобном месте. Все ее платья покупались в лавках дважды, а то и трижды подержанного туалета и кое-как перешивались прислугой. Но и это случалось редко. Лишь раз в год мистер Уоррен, скрипя зубами, опускал ей в руку несколько шиллингов. Это место было совершенно иным. Здесь *рождалась мода*. Здесь ловкие руки ма-

стериц оборачивали вокруг девичьих тел ярды дорогих тканей, создавали платья самых невероятных фасонов, цветов и отделок. Отсюда даже самая невзрачная девица выходила настоящей красавицей. А уж она-то...

Дарлинг тронул ее за плечо, и она обернулась. В проходе стояла портниха, хозяйка этого удивительного места, создающая искусство ловкими движениями собственных пальцев. Маленькая женщина с простой прической и немолодым, но красивым лицом. Ее плечи обвивала измерительная лента. Уинифред невольно оробела перед ней, хотя они еще не обменялись и словом. Дарлинг встал рядом с Уинифред, и, хотя он не коснулся ее, она почувствовала тепло его тела даже сквозь плотную ткань сюртука.

– Добрый день! – поздоровалась портниха.

Уинифред не владела языками, но умела различать акценты. Эта женщина была француженкой.

– Вы, должно быть, мистер Дарлинг?

– Добрый день, мадам Бертран. Моя супруга пожелала обновить гардероб, а кроме вас, ей никто не сможет угодить. Правда, дорогая?⁴ – Он похлопал Уинифред по руке и тут же покраснел. – Можем ли мы рассчитывать на вашу помощь?

Мадам Бертран окинула их внимательным взглядом. У нее были цепкие, колкие глаза, и Уинифред порадовалась, что она в перчатках, иначе вопроса об обручальном кольце было бы не избежать. Боже, какой же он идиот!

⁴ Darling [Дарлинг] (англ.) – дорогая.

– Oui, ça me plairait⁵. Я рада, что вы решили обратиться ко мне, мистер Дарлинг. Полагаю, это и есть ваша...

– Позвольте представить вам миссис Дарлинг.

Уинифред подавила желание стукнуть юношу чем-нибудь тяжелым по голове и жеманно улыбнулась портнихе. Мадам Бертран раскинула руки и улыбнулась ей в ответ.

– Enchantée, madame!⁶ Прошу, пройдите сюда.

Модистка сняла с нее мерки и вручила образцы материи и вырезки из журналов мод. Если она и заметила разительный контраст между ее дешевым платьем и дорогим, с иголочки костюмом Дарлинга, то ничего не сказала. Уинифред пришлось выбирать ткани по цветам – она не могла снять перчатки, пощупать образцы и при этом показать швее палец без кольца. В итоге она остановилась на светло-бежевом атласе с набивным узором из мелких цветочков и ярко-розовом бархате. Французские модные выкройки ей очень понравились, и она выбрала несколько фасонов дневных платьев с самой изящной кружевной отделкой.

Договорившись о счете, они попрощались с мадам Бертран и вышли на улицу. Бонд-стрит стала гораздо оживленнее, чем была час назад, – мимо сновали газетные мальчишки, прогуливались со вкусом одетые леди и джентльмены. Торговки, сидевшие на обочинах, продавали букеты гвоздик, усаженные в ведра ледяной воды.

⁵ Да, с удовольствием (*фр.*).

⁶ Рада знакомству, мадам (*фр.*).

Уинифред было неловко благодарить Дарлинга за платье, поэтому она быстро спросила:

– Миссис Дарлинг? Очень изобретательно. Вы совсем не боитесь, что по городу поползут слухи?

Он весело сверкнул глазами и увернулся от мальчугана, который попытался всучить ему свежую «Морнинг пост».

– Честно говоря, не очень... Могу я купить вам шляпку в том салоне?

– Можете, – тут же смилостивилась Уинифред.

Они остановились у дороги, ожидая, пока проедет цепочка экипажей.

– Роль женатой пары нам идет, правда, дорогая?

– Не называйте меня дорогой, – фыркнула она.

Несмотря на то что ее раздражали дурачества Дарлинга, сегодня она была готова простить их ему. В конце концов, он только что заказал ей два платья у лучшей модистки Лондона.

– Сэр, купите газету! – снова вклинился мальчишка. – Только самые свежие новости!

– Какие же они свежие, если уже за полдень перевалило? – осадила его Уинифред и отвернулась. – Пойдемте, мистер Дарлинг.

Мальчик испуганно выпучился на нее, и Дарлинг торопливо запустил руки в карманы:

– Ничего, я куплю. Сколько?

Газетный мальчик содрал с него пять пенсов и убежал.

Дарлинг повертел в руках газету, свернул ее и сунул под мышку.

– Вообще-то, я не читаю газет, – признался он.

Унифред почти улыбнулась.

– Так зачем же вы, черт возьми, ее купили? Еще и за такие деньги. Сейчас ведь уже не утро, он должен был взять втрое меньше.

– А, пустяки... Так чем вам не нравится моя фамилия?

– Она слащавая и двусмысленная.

– Что ж, привыкайте, Унифред, – улыбнулся Дарлинг, ничуть не задетый. – Вам же с ней...

Он не договорил и схватил Унифред за руку. Лицо его вытянулось. Унифред опустила голову и, не задавая вопросов, позволила ему увлечь себя в переулок. Дарлинг прижался спиной к влажной кирпичной кладке, и она ощутила острую досаду из-за его испорченного костюма.

– Кто там? – шепнула она, нырнув в тень вслед за ним, но не коснувшись сырой грязной стены.

Юноша был бледнее обычного, его пальцы лихорадочно сжимались и разжимались. Он молчал, и его паника понемногу начала передаваться Унифред. Кто же это мог быть? Мистер Уоррен? Чертова королева Виктория?

Похоже, никакой шляпки ей не будет.

– У нас... небольшая проблема, – наконец выдавил он.

– Где?

– Слева, за черным экипажем, запряженным двойкой.

Только выглядывайте аккуратно, умоляю вас!

Унифред нахмурилась и перегнулась через Дарлинга, чтобы выглянуть на улицу. Вокруг мельтешило столько людей, что она не сразу заметила карету, про которую он говорил. За ней стояла незнакомая Унифред юная леди в светло-зеленом платье. Тень от ажурного парасоля закрывала ее лицо, но Унифред сумела разглядеть завитые темно-рыжие локоны. Она посторонилась, и из-за экипажа вышла другая леди – седая и крючконосая, в старомодном капоре. Должно быть, компаньонка или гувернантка.

Унифред обернулась к Дарлингу, изогнув бровь.

– Та, что в зеленом? Вы знакомы с ней?

Его лицо исказилось в страдальческой гримасе.

– Это... вроде как моя невеста... Умоляю, она не должна меня увидеть!

Унифред широко раскрыла глаза. Когда, бога ради, он успел обзавестись чертовой *невестой*? Чем лучше она узнавала Дарлинга, тем больше удивлялась, как он вообще сумел прожить так долго.

– Чувствую, за этим скрывается невероятная история, – прошипела она, – и вы мне обязательно ее расскажете, как только мы уберемся отсюда.

Молодой человек с энтузиазмом закивал.

– Отличная идея! Как же мы это сделаем?

– Помолчите минуту, мистер Дарлинг.

Унифред плотно прижала пальцы к вискам. Похоже, те-

перь ее работа включала обязанности няньки при этом недоумке.

Наконец в ее голове составилась более-менее складный план. Она аккуратно выглянула за угол и убедилась, что обе женщины все еще на месте.

– Слушайте внимательно. Я отвлеку их. Когда вы поймете, что находитесь вне их обзора, садитесь в экипаж и немедленно уезжайте. Подберете меня на углу через пять минут. И все мне расскажете!

Должно быть, она выглядела очень рассерженной, потому что Дарлинг нервно сглотнул и кивнул, не произнеся ни слова. Уинифред удовлетворенно склонила подбородок.

Леди со своей компаньонкой стояла за экипажем, не сходя с места. Кучер посматривал на нее и успокаивал лошадей, беспокойно мотающих головами. Уинифред вытащила булавку, которой крепилась шляпка к голове, и позволила ей, удерживаемой только лентами, упасть себе на спину. Растрепав прическу, она выпустила несколько светлых прядок у лица и немного ссутулилась. Так она легко сошла за пятнадцатилетнюю. Затем она быстро обернулась и, убедившись, что Дарлинг надежно скрыт в тени проулка, выскользнула на улицу и направилась к девушке. Пришла пора проверить, не растеряла ли она свои актерские таланты.

– Прошу прощения! – обратилась она дрожащим голосом к компаньонке рыжеволосой леди.

Обе женщины обернулись – молодая с удивлением, стар-

шая – с раздражением.

– Я... я потеряла свою маменьку! Мы прогуливались по Пикадилли, а потом она зашла в магазин за лентами, а я отвернулась на секундочку, а ее уже и след простыл... – Она коротко всхлипнула и по-детски, кулаком, утерла нос. – Я не могу ее найти!

Компаньонка глядела на нее все с той же холодной брезгливостью, но выражение лица рыжеволосой леди смягчилось. У нее было красивое, но неинтересное лицо сердечком, кожа сливочного оттенка, маленький изящный рот и ореховые глаза – большие и глубокие, как лесные озера. Она протянула к Уинифред руки, и та с готовностью вложила в них свои.

– Не в-волнуйтесь, мисс, – произнесла леди с легким заиканием, с нежностью глядя в раскрасневшееся от фальшивых всхлипываний лицо Уинифред. – Где вы видели ее в последний раз, милая?

Она вытащила из пухлой ладони леди свою дрожащую руку и указала в направлении, противоположном месту, где прятался Дарлинг, на небольшой магазинчик шляп и шалей. Обе женщины посмотрели туда.

Лишь бы этому идиоту хватило ума убраться прямо сейчас!

– Маменька заходила туда за лентами, мисс. Она сказала, что я несносный ребенок, что все мои ленты в ужасном состоянии и нам придется купить новые. Она зашла туда, а

я увидела птичку на карете – о-о-очень красивую, с желтой грудкой и с синим хохолком, такую красивую, мисс! Я отвернулась, чтобы посмотреть на нее, а когда она улетела, маменьки уже не было в магазине! – Уинифред снова надрывно всхлипнула и, освободив вторую руку, спрятала лицо в ладонях.

– Ну-ну, не п-плачь, – полным сострадания голосом произнесла девушка. Уинифред почувствовала, как ее рука осторожно поглаживает ее плечо.

Старая компаньонка фыркнула.

– Девочка, иди своей дорогой! Хватит докучать мисс своими глупыми рассказками.

Леди послала своей спутнице сердитый взгляд.

– Как в-вам не совестно, мисс Хаббард! Мы не можем оставить б-бедняжку на улице совсем одну. Мы п-пождем моего отца и разберемся вместе. Как тебя зовут, милая?

Девушка подарила Уинифред еще один взгляд, полный сострадания и нежности, и ей стало дурно. Дело плохо, хуже некуда! Так вот почему они стоят на улице – ждут отца!

Уинифред не могла удостовериться, что Дарлинг уехал, поэтому резко вскинула голову и воскликнула:

– О, я вижу ее! Маменька!

Она замахала в толпу. Народу было столько, что никто не обратил внимания. Обратив горящий взгляд на рыжеволосую леди, она горячо поблагодарила:

– Спасибо вам, мисс! Никогда не забуду вашей доброты!

Уинифред присела в быстром книксене и, подобрав юбки, побежала, не дождавшись ответа.

О, он оплатит за это! Впервые на лучшей улице Лондона – и бежит, словно какая-нибудь дикарка!

Завернув за угол, она увидела карету и чуть не упала от облегчения. Дарлинг, с опаской выглядывавший из-за бархатной шторки, распахнул дверь и помог ей забраться. Тяжело дыша, она села напротив него. Экипаж тут же тронулся – видимо, юноша заранее дал кучеру необходимые указания.

– А теперь, – процедила Уинифред, – расскажите, чего *еще* я не знаю о своем работодателе.

Дарлинг сглотнул и невольно выпрямился под ее пронзительным взглядом.

– Что... именно вы хотите знать? – осторожно спросил он.

О, у нее накопилась масса вопросов! Но начать она решила с насущных.

– Как вы умудрились обручиться, мистер Дарлинг? – прямо спросила Уинифред, поправляя на голове шляпку и убирая выбившиеся прядки. – Вы пробыли в Лондоне всего ничего.

Юноша, с огромным интересом разглядывавший носки собственных туфель, удивленно вскинул голову.

– Откуда вы знаете?..

– Это неважно. Вы собираетесь отвечать?

Он устало потер лоб и наконец произнес:

– Я сглупил немного, но... Мы не обручены. Во всяком

случае, в газетах о моей помолвке не было ни слова.

Уинифред едва не расхохоталась, когда поняла, что Дарлинг не шутит.

– Когда я только приехал сюда, мне... Словом, я был почти один. Родители Эвелин были добрыми друзьями моих родителей. Я говорю «были», потому что сейчас они мертвы. – Его глаза сузились. – Пусть упокоятся с миром.

О своих родителях Дарлинг говорил с непривычной злобой, он почти выплюнул последние слова. Лицо его исказилось, превратилось в некрасивую гримасу. Все живое, мальчишеское, ушло из него.

– Эвелин – это рыжая леди? – уточнила Уинифред.

Вопрос был глупым. Только задав его, она поняла, что просто хотела отвлечь юношу от тяжелых мыслей, о чем бы они ни были. Но лицо Дарлинга немного прояснилось, и он кивнул.

– Да. Мисс Эвелин Саттон. Ее отец, мистер Саттон, фактически приютил меня после моего переезда в Лондон. Я не сразу... – он нервным движением стиснул пальцы, – переехал в фамильный особняк. Разумеется, мне много раз довелось сопровождать Эвелин на прогулках, и возможно... она могла попасть под впечатление...

– Вы делали ей предложение?

– Разумеется, нет!

Ей показалось, что Дарлинг подпрыгнул на сиденье, хотя дорога была ровной.

– Эвелин – замечательная девушка, но...

– Тогда почему вы назвали ее своей невестой? – поинтересовалась Уинифред.

Она испытала искреннее облегчение, когда Дарлинг сказал, что не делал мисс Саттон предложение. По крайней мере, это точно не настоящая помолвка. Одной проблемой меньше.

Он повесил голову.

– У нас с ней состоялся разговор, и мы друг друга... не совсем верно поняли. Эвелин с чего-то пришло в голову, что я признаюсь ей в пылких чувствах, и она на радостях потащила меня к отцу. А тот возьми и дай благословение. Ну и что я должен был делать, скажите на милость?

Уинифред не выдержала и рассмеялась. Воображение нарисовало ей картину: Дарлинг, встав на колени с помолвочным кольцом в руке, понятия не имеет, что предлагает девушке руку и сердце. Бедняжка мисс Саттон!

Звук собственного смеха вдруг показался ей странным и неестественным, и она замолчала.

Дарлинг глядел на нее с восторженным изумлением. Уинифред почувствовала неловкость, и улыбка сползла с ее губ.

– «О, с чем сравню сиянье этих глаз? Хрусталь нечист»⁷, – с чувством произнес он, не отрывая взгляда от Уинифред.

Она моргнула.

– Что?

⁷ Уильям Шекспир. «Сон в летнюю ночь» (пер. М. Лозинского).

Дарлинг удивленно опустил уголки губ.

– Это из «Сна в летнюю ночь». Я думал, вы любите эту комедию...

У него был почти обиженный тон, словно она забыла о назначенном свидании или разбила фарфоровую статуэтку. Уинифред с раздражением отрезала:

– Никогда не читала. Лучше расскажите, что вы такого сделали, что мисс Саттон до сих пор пребывает в заблуждении, что ее жених сбежал после помолвки?

Дарлинг вытянулся и запустил руку в прилизанные волосы. Уинифред видела, что он чувствует неловкость, и ей даже стало немного жаль юношу. Он флиртовал просто ужасно.

– Я был благодарен ее семье за гостеприимство, и... я сказал что-то вроде «почту за честь однажды принять вас в своем доме»... И, полагаю, что-то про то, что в моем доме давно не было хозяйки...

Уинифред не сдержалась и рассмеялась снова. На лице Дарлинга тоже расплылась улыбка, и он лукаво склонил голову набок.

– Это нельзя считать предложением! – добавил он, явно раззадоренный. – Я вообще ничего не понимал до того, как мистер Саттон начал скалиться, как ненормальный, и пожимать мне руку!

От смеха у нее выступили слезы и закололо в животе. Пытаясь успокоиться, Уинифред стянула с рук перчатки и принялась ими обмахиваться, время от времени выпуская оче-

редные короткие смешки. Давно она так не смеялась. Дарлинг был очаровательным пройдохой, но совершенным дураком. Как можно сделать девушке предложение и даже не заметить этого!

Переведя дух, она снова бросила взгляд на юношу. Он разглядывал ее с легкой, почти незаметной улыбкой, от которой ей снова захотелось рассмеяться.

– «Таких веселых слез еще вовеки смех не проливал»⁸, – негромко проговорил он, отводя взгляд и поворачивая лицо к окошку.

У него был прекрасный точеный профиль: нос с крошечной горбинкой, темные изогнутые брови, выразительные скулы. Такие профили надо чеканить на монетах. Уинифред почувствовала внезапную неловкость и тоже отвела взгляд, уставившись в другое окно. Мимо мелькали дома, повозки, лошади, люди, а она почему-то смотрела на отражение темноволосого юноши в стекле.

– Разве мисс Саттон не приезжала к вам домой? – наконец спросила она, не отрываясь от окошка и больше почувствовав, нежели увидев, как Дарлинг скривился.

– О, приезжала, и не раз. Я попросил Милларда говорить, что меня нет дома. Впрочем, сейчас она приезжает совсем редко. Но все равно я ума не приложу, что мне делать.

– В таких случаях рекомендуют поупражняться в искусстве владения родным языком, – съязвила Уинифред и

⁸ Уильям Шекспир. «Сон в летнюю ночь» (пер. М. Лозинского).

встретила его сокрушенный взгляд.

Надо же. Должно быть, ему и правда стыдно перед мисс Саттон. Но невеста Дарлинга – очаровательная юная леди. Почему же он ее избегает?

Лошади остановились. Дарлинг выскочил из кареты и помог спуститься Уинифред. Коснувшись земли, она выпустила его руку и машинально огляделась.

И спиной почувствовала, как Дарлинг остолбенел.

На них в упор смотрела мисс Эвелин Саттон. Она застыла на подножке своего экипажа, в изумлении распахнув глаза.

Дарлинг за спиной Уинифред неловко выругался.

Глава 7

Вакансии и коридоры

Оттолкнув руку кучера, Эвелин спрыгнула вниз. Потрясающая кружевным зонтиком и, видимо, решая, кого из них заколоть в первую очередь, она промаршировала к Уинифред и Дарлингу.

– Теодор! – рявкнула она. – Гадкий м-мальчишка! Словами не п-передать, как я на тебя зла!

Уинифред невольно попятилась, но этим лишь навлекла на себя еще больший гнев мисс Саттон.

– А вы! Обманщица! – набросилась она. – Зачем вы ему п-помогаете? Неужели вам ничуть не с-стыдно?

– Эви, вот так встреча! – пролепетал юноша.

Эвелин уперла кончик парасоли в землю на манер трости и подперла кулаком талию. Поза вышла угрожающей.

– Не поверишь, но я как раз собирался...

– Не п-поверю! – взвизгнула девушка.

Уинифред покосилась на ее карету. Поливать Дарлинга проклятиями было сподручнее в его собственной гостиной, нежели посреди оживленной улицы.

– *За д-две недели* не соизволил встретиться! Отец с ума меня с-свел!

– Поверьте, я более чем разделяю ваше негодование, –

примирительно произнесла Уинифред, – но предлагаю продолжить разговор в более обособленной обстановке.

Выражение Эвелин несколько смягчилось, но ответить она не успела – дверца экипажа Саттонов распахнулась, и показалась женская голова в чепце. Похолодев, Уинифред повернулась к карете спиной и прошипела юноше:

– Уведите нас отсюда. Сейчас же, мистер Дарлинг.

Даже ему не пришлось объяснять, что ситуация выходила плачевной. Если гувернантка узнает Уинифред и к тому же свяжет ее с Дарлингом – им конец. С самой мисс Саттон, возможно, получится договориться, но насчет сварливой компаньонки она сомневалась.

Дарлинг растерянно посмотрел на Эвелин.

– Мисс Хаббард! – после нескольких мучительных мгновений громко произнесла она. – Поезжайте с отцом д-домой. Я останусь на обед с мистером Д-дарлингом и его кузиной...
Маргарет.

– Маргарет? Что за Маргарет? – с подозрением спросила компаньонка.

Скрипнула подножка, и Уинифред скривилась. Старым девам на каждом шагу чудятся бесчинства.

– Его кузина, мисс Хаббард! – нетерпеливо огрызнулась Эвелин. – *Родственница* мистера Дарлинга. Лорд Конфилд тоже п-приглашен отобедать, если вам так уж хочется знать.

– Лорд Конфилд? – протянула старуха.

Уинифред уловила плохо скрываемое удовлетворение в ее

голосе. Дверца захлопнулась.

– Очень хорошо. Я пришлю за вами через час.

– П-премного благодарна! – отозвалась мисс Саттон и сердито прошептала им двоим: – А в-вы мне по гроб задолжали!

Нисколько не смущаясь, Эвелин поднялась на крыльцо дома Дарлинга, ласково поздоровалась с открывшим ей дворецким («Д-добрый день, Миллард. Сто лет в-вас не видела! Как ваша с-спина?») и вошла. Уинифред с юношей переглянулись и поспешили за ней.

На их счастье, мисс Саттон оказалась вполне изобретательной лгуньей. Чем крепче родительские тиски, тем искуснее дети из них выскальзывают. Эвелин знала, что ее компаньонка, строгая блюстительница ее чести, ни за что не оставит ее с Дарлингом наедине. И тут как нельзя кстати пришла «кузина Маргарет». Видимо, и некоего лорда Конфилда она помянула не случайно.

В Малом кабинете Эвелин уселась в низкое кресло у чайного столика, всем своим видом демонстрируя, что с места ее не сдвинуть. Смущенный Дарлинг пропустил Уинифред, зашел следом и закрыл дверь. Он избегал встречаться с Эвелин взглядом.

– Может, ты хотела бы ч...

– Ну что, т-ты достаточно себя п-повеселил? – звенящим от гнева голосом перебила его мисс Саттон. Деревянный кончик ее зонтика мелко-мелко постукивал по ковру. – Это ведь Стеллан тебя п-подбил, верно? Чтобы отомстить мне?

– Нет! Эви, клянусь, я не...

– Т-твое счастье, что отец спал, иначе нас обвенчали бы прямо на улице! – Она оглядела Уинифред. – Ну, а вы? Кто вы т-такая?

Безупречная изящность Эвелин действовала Уинифред на нервы. Она вдруг начала сомневаться и в аккуратности собственной прически, и в чистоте перчаток, и в безупречности осанки. Элегантность мисс Саттон, казалось, была отточена самой природой, ей не приходилось даже задумываться о том, чему Уинифред училась долгие годы.

Да, Эвелин была самой настоящей леди – с серебряной ложкой во рту, серебряным звонким голоском, серебряным ночным горшком и прочими аристократическими атрибутами. Никто не знал, что на самом деле у нее на уме. И то, что Дарлинг отзывался о подруге с теплотой, еще ничего не значило – он и придорожный булыжник обласкал бы, дай ему волю.

Значит, нужно сыграть на чувствах Эвелин к Дарлингу и поскорее отвести от себя внимание.

– Я его невеста, – резко произнесла Уинифред и как бы случайно тронула себя за пальцы левой руки.

Взгляд Эвелин метнулся к ее среднему пальцу, надежно скрытому перчаткой.

– Позвольте спросить, кто *вы* такая, раз позволяете себе столь бесцеремонно врываться в дом моего жениха?

– Вы д-действительно считаете, что я поверю в это п-после

того представления, которое вы устроили на Бонд-стрит? – мрачно поинтересовалась мисс Саттон. – Вы прекрасно знаете, к-кто я такая. Сию же минуту говорите правду, иначе я п-позову констебля!

Вот черт. Она совсем неглупа – и, кажется, действительно влюблена в Дарлинга.

Пока Унифред лихорадочно размышляла над новой, более убедительной ложью, юноша вдруг выпалил:

– Она на меня работает!

В кабинете повисла тишина, прекратилось даже методичное постукивание зонтиком. Унифред свирепо поглядела на Дарлинга, и он ответил ей умоляющим взглядом.

– Она бы позвала констебля!

– Разумеется, не позвала бы! – прошипела она. – Почему вы такой *наивный*, черт вас подери?

– К-как это – работает? – пробормотала Эвелин. Недоверие в ее голосе смешалось с интересом.

Цепкая, настырная опека компаньонки наверняка приносила мисс Саттон одно раздражение. Раз заставить ее ревновать не удалось, может, удастся вызвать зависть?

– Что же в этом такого? – возразила Унифред. – Неужели вам представляется удивительным, что женщина может работать? Нет, разумеется, девушке *вашего* положения...

Она попала в самую точку – почти испугавшись собственных слов, мисс Саттон побледнела и стиснула ручку parasоля.

– Нет, ч-что вы! Я в-вовсе не это имела в виду, мисс...

– Оукс.

– Мисс Оукс. Это вовсе не удивительно. Разумеется, женщина может работать! Вы, д-должно быть, его учительница? Я говорила Теодору, что он зря б-бросил занятия музыкой!

– Нет. Я личный секретарь мистера Дарлинга, – соврала Уинифред.

– Секретарь? Его секретарь? – Будто решив, что Уинифред не догадалась, о ком идет речь, Эвелин указала на Дарлинга: – Т-теодора?

Юноша беспокойно зашевелился в кресле.

– Мне по карману нанять себе секретаря, если ты об этом.

Мисс Саттон пришла в неопиcуемый восторг. Она даже немного привстала с кресла, словно возбужденный ребенок.

– Мисс Оукс, это же п-просто замечательно!

– Прошу прощения?

– Можно считать, это исторический п-прецедент! Вы хоть п-представляете себе, что это означает для прав женщин Англии? Да что там – *для п-прав женщин всего мира!*

Что, черт побери, она несет?

– Разумеется, – подтвердила Уинифред и натянуто улыбнулась. – Права женщин... важны.

– Еще бы, – с важным видом вставил юноша. – Если вы спросите меня, они просто необходимы.

– Я и п-подумать не могла! Теперь ясно, почему вы так скрывались! П-первая женщина-секретарь – это кошмар-

ный с-скандал! «Забава для д-джентльмена – смерть для леди», – любит повторять мой отец. – Мисс Саттон мечтательно вздохнула. – Надеюсь, Теодор хорошо вам платит?

– Достаточно, чтобы ни от кого не зависеть, – уклончиво ответила Уинифред.

Это произвело на Эвелин впечатление. Она замолчала, нервно стиснула ручку парасоля, а потом вдруг выпалила:

– Теодор! Как ты думаешь, у т-тебя не найдется должности и д-для меня?

Уинифред остолбенела, а Дарлинг, не уловив отчаяния в ее голосе, прыснул со смеху. Быстро сообразив, что Уинифред и Эвелин даже не улыбнулись, юноша подобрался и стер с лица веселье. Глаза его заплясали между девушками.

– Прошу прощения... Значит, это была не шутка? – уточнил он и неловко почесал затылок. – Ох... Сожалею, но сейчас вакансий нет.

– Может, п-подберешь мне какое-нибудь п-пустячное занятие? – не сдавалась Эвелин. – Я многое умею! К-конечно, может, не уборка и не с-стирка, но...

Дарлинг покосился на Уинифред. Та едва заметно покачала головой.

– Я... сожалею, – повторил он.

Девушка поникла, но вместо жалости Уинифред почувствовала в ее отношении острую, жгучую зависть. Эвелин росла как цветок в парнике, у нее благородное имя, любящие родители, достаток, неземная красота – чего еще можно

желать?

Простодушный Дарлинг вслух задал вопрос, повисший в воздухе:

– Эви, зачем тебе работа?

Девушка подняла голову. На нижних ресницах у нее повисли крошечные слезинки. Кончик носа чуть покраснел, но от этого она выглядела только очаровательнее. Услужливый юноша тут же потянулся в нагрудный карман и вынул носовой платок. Уинифред презрительно фыркнула, отведя взгляд. Неужели у нее нет собственного платка?

– Я т-тоже хочу независимости, – прошептала Эвелин. – Тоже хочу п-принадлежать самой себе.

Приняв от Дарлинга платок, мисс Саттон изящно поднесла его к лицу и промокнула глаза. Светло-рыжие ресницы опустились на щеки и снова порхнули вверх.

– В таком случае не выходите замуж, – едко посоветовала Уинифред. – Разве вы имеете недостаток в деньгах?

– Нет-нет! Вот т-только... Мой отец спит и видит меня в подвенечном платье, – с горечью пояснила она. – Как-то он наткнулся на слово «старородящая» в газете, и с т-тех пор я навожу на него ужас одним лишь отсутствием обручального кольца. Вечно подсовывает мне к-книжки наподобие «Жены Англии» или «Этикет любви, ухаживаний и б-брака». На пальцах не пересчитать, сколько раз за п-последний год он чуть не обручил меня с кем-нибудь из своих д-друзей! А п-прошлой зимой он запретил мне ехать в Италию, потому что

я п-пропустила бы Лондонский сезон.

– Я и не представлял, что мистер Саттон так серьезно настроен... – пробормотал Дарлинг. – Тебе же всего двадцать три.

Эвелин зловеще рассмеялась.

– Ты и п-представить себе не можешь. Когда ты гостил у нас, я избегала оставаться с тобой один на один, а не то мой п-папочка непременно использовал бы это как предлог д-для помолвки.

– Надо же! А я-то думал, что просто не нравлюсь тебе.

– Да нет! Нравишься, п-просто...

– Разве вы сами не хотели выйти за него? – громко вклинилась Уинифред. Еще немного, и Дарлинг точно сделал бы Эвелин предложение. – Что-то не похоже, что вам так уж претит идея замужества.

– Честно говоря, мне совсем не х-хочется замуж, мисс Оукс. П-понимаете... – Эвелин взглянула на Дарлинга в поисках поддержки. – Я д-думала, Т-теодор – это мой единственный выход. Выйдя за него, я обрела бы п-практически полную свободу... Ну, п-потому что...

– Им было бы легко управлять, – безжалостно закончила за нее Уинифред.

Дарлинг выглядел скорее озадаченным, нежели расстроенным, но у Эвелин снова увлажнились глаза.

– Так вы полагали, мисс Саттон?

– Ну-ну, Эви... – пробормотал юноша с виноватой улыб-

кой. – Пожалуйста, не плачь. Это... разумное предположение. Не будем делать секрет из того, что я полное ничтожество.

– Нет, в-вовсе нет!

Эвелин с состраданием посмотрела на Дарлинга. Так смотрят не на человека, в которого влюблены, а на котенка с перебитым хвостом. Отчего-то эта мысль принесла Уинифред огромное облечение.

– Т-ты замечательный, в-вот что я имела в виду. Я избавилась бы от к-контроля своего отца. И от п-противной, назойливой мисс Хаббард! Вечно следует за мной п-повсюду! Т-ты избавил бы меня от необходимости в-выходить замуж... ну, за ненавистного мне ч-человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.